

**Слова и речи преосвященного Софонии,
епископа Туркестанского и Ташкентского
архиепископ Софония (Сокольский)**

Слово, говоренное в 1872 году в Ташкенте, в день Пятидесятницы, при первом служении, по вступлении в управление Туркестанской епархией

Не без боязни и страха, но и не без надежды на всеильную помощь от Святого, вступил я на указанное мне новое поприще служения, и, Господу содействующу, уже сподобился вознести ко Отцу щедрот и Богу всякия утехы (2Кор.1:3) не только смиренные молитвы, прошения, благодарения, но и святейшую бескровную жертву о своих немощах и вашем спасении, возлюбленная братья и чада моя о Господе. Таким образом, во главе духовного моего общения с вами и со всей средой верующих страны сей, положено молитвенное призывание на всех и на вся, – призывание благодати, мира и благословения Божьего, как таких благ, коими обуславливаются ваше спасенье, ваша временная жизнь и ваш вечный живот и блаженство.

Имея это в виду, я уже сорадуюсь вашей вере, и от всей души приветствую вас, возлюбленные, а в лице вашем, и все здешнее православие с благословенным началом святого и богорадованного дела, приветствую в полной уверенности, что и ваше благородство и благочестие не без участия отнесутся к водворению здесь Христовой Церкви с ее сосредоточенным и самостоятельным управлением.¹

Да, братья! Появление и утверждение, в какой бы ни было стране, Христовой Церкви, – этого богозданного ковчега, ниспосланного земнородным на спасение от потопа греховного, и всегда, более или менее, радовало и радуется дух истинных христоролюбцев. Что же сказать о появлении св. Церкви Божьей в стране нам небезызвестной, в стране, владычествовавшей некогда юной, св. Русью со всеми ее православными храмами, а ныне владеемой своими прежними данниками, – в стране людей, не только нам не чуждых, по историческим воспоминаниям, но и вступивших уже в состав многомиллионной семьи неизмеримого царства русского? Не тем ли паче, такая катастрофа, которая, до времен нашего героя Донского, ни для кого не могла быть и мыслима, и которую видело одно лишь всевидящее око Царя всех ханов и князей и царей земных, – не тем ли, говорю, паче, такая катастрофа могла и долженствовала воспроизвести в сердцах ваших ощущения самые живые и радостная? Да и какое русское, православное сердце не откликнулось бы искренним сорадованием, при одной мысли, что не только Русь святая, но и св.

русская Церковь расширяют свои пределы, – и расширяют отнюдь не в видах искания своих си (Фил.2:21), но во имя евангельской истины и международной правды, – расширяют, шествуя, та и другая, от силы в силу и от славы в славу?

Впрочем, во имя той же святой истины, не сокрою, что свет Евангелия Христова уже касался сей страны, проникал в нее и озарял живущих в ней чуть ли не более чем за семь веков до наших времен.² Но, к сожалению, это не был тот свет евангельский, который вполне сосредоточивал в себе всю чистоту вселенского православия. Среднеазиатские христиане того времени не могли воспевать и не воспевали в храмах своих: «видехом свет истины, прияхом Духа небесного, обретохом веру истинную». Итак, по этой ли одной причине, или и по другим, сокрытым в тайнах мироправления Божьего, – только, всевышнему Зиждителю мира и Церкви неугодно было, чтобы этот свет остался и пробыл здесь навсегда. И вот, мраку стихийного, плотского и чисто земного мудрования, – мраку исламизма, быстро тогда распространявшемуся и обнимавшему своей огуственной мглой, не одни сопределия Азии и Африки, но и внутренние страны их, допущено было затмить, погасить и заменить собой мерцание веры Евангельской, – и это попущение Божье осуществилось и продолжалось до наших времен.

Нельзя, по-видимому, не сожалеть о сем. Но так преднаписано было в святых судьбах Божьих, кои, по слову Царепорока, – бездна многа (Пс.35:7), а по учению св. Павла, недостижимая глубина премудрости и разума Божьего (Рим.11:33). И кто не видит, что эти предопределения триипостасного Божества, эти сокровенные пути Господни, доселе нас изумлявшие одной лишь своей непостижимостью, теперь столько же, и еще более, останавливают на себе благоговейный взор наш презельным богатством премудрости и разума Божьего. Кто в наше время не видит и не понимает, что если премудрому и преблагому Промыслу угодно было попустить агарянскому изуверству затемнить и погасить бывшее здесь христианство: то это сделано конечно на время и в тех видах, чтобы вместо света не вполне чистого и евангельского, здесь же возжечь, в свое время, свет, более вожденный и спасительный, свет, сияющий полным блеском евангельской чистоты и православия? Таким образом, видите, братия, что свет веры Христовой и паки осиял и осиявает эту страну, но уже не прежний свет полу померкший и туманный, а безоблачный и немерцающий, – свет, тихий и святой: – видите, что и крест Христов, эта Божья сила и Божья премудрость (1Кор.1:23, 24), лаки и паки зрится на высоте небесной, но и он уже возглавляет святилища вполне святые и

православные. А возглавляя собой св. храмы, как благодатные жилища Божьи, и сам он – крест Христов и чествуется всенародно, и прославляется торжественно, и служит предметом боголепного поклонения во всеуслышание не одних лишь верных, но и самых неверных, населяющих край сей.

Это-то спасительное водружение здесь веры и креста Христова, привлекшее внимание богомудрого и богоправимого, Августейшего Монарха нашего, и послужившее основой к открытию в этой неизмеримой пустыни, отдельной и самостоятельной Церкви, под отдельным управлением, и составляет наше настоящее торжество и нашу духовную радость, оживляемые надеждой и упованием, что вседержавный и всеблагий Господь наш и глава Церкви вселенской, милостиво призрит и на эту новонасажденную Церковь, и не только оживит ее и одушевит вседействующей силой заслуг своих, но и освятит и утвердит на камени веры и благочестия, незыблемо и во веки.

Но примечаете ли, братия, что сюда привходит еще обстоятельство, которое усугубляет и возвышает нашу радость. Примечаете ли, что наш, хотя и торжественный, но все же как бы случайный праздник этой страны, совпадает с нарочитым, исконным и богосветлым празднеством Церкви вселенской? – Да! Празднуемый ныне вселенским православием день, по преимуществу, есть день великий и святой. Это есть день, в который предвечное определение о спасении падшего человечества, начавшееся в триипостасном совете Божьем, благоволением бозначального Отца, и в последок дней выполненное чрез собезначальное воплощенное Слово, окончательно завершено и запечатлено сошествием всесвятого Духа на святых Апостолов, а чрез них и на весь мир и на всякую душу верующую.

Можно ли думать, что такое совпадение и сочетание двух торжеств церковных есть дело простого случая? Можно ли думать, когда нам известно, что, с одной стороны, и волос с главы нашей не падает без воли Отца небесного (Мф.19:29,30), а с другой, – сама премудрость Божья свидетельствует о себе, что в ее предопределениях и действиях, относительно спасения нашего, изначально все соображено, со-размерено и определено мерой и числом и весом (Прем.11:21)? А если так; если это есть дело всеведущей, всетворящей и вседвижущей премудрости Божьей: то не служит ли это ручательством и как бы залогом, что наши надежды на милость Божью, относительно новонасаждаемой Церкви, не тщетны и не безосновны. Скажу более, не служит ли это осязательным знамением и даже как бы и проявлением уже чаемой милости – и к нам самим, коих Содетель всяческих благоволил избрать в живые орудия своего

благодатного смотраения о крае сем, и к тому великому и святому делу, которое чрез нас начинается во славу Божью.

Таковы, возлюбленная братья, щедроты десницы Господней, благодеющей нам и краю сему. В настоящее время, нам остается только молиться и благодарить святейшую, преславную, единосущную и нераздельную Троицу, – благодарить от всей души и молить беспредельное милосердие Божье, как о процветании и благоденствии страны сей, так – и особенно – о благосостоянии новонасаждаемой Церкви, да будет она воистинну Церковь святая и Божья, да расширятся ее пределы и к ливу (югу), и к востоку, и да будут все чада ее не только званными в ограду Христову, но и избранными для царства вечной славы и блаженства.

Но, умоляя Твое бесприккладное милосердие, Боже триипостасный, о юной Церкви Твоей и о всех живущих здесь, мы дерзаем молить Твое же безмерное благоутробие, и о себе самих и о предстоящем нам делании в новоткрывшемся словесном вертограде Твоем. Посли нам, Господи, свет Твой и истину Твою (Пс.42:2), озари наш ум, умудри сердце, укрепи силы и благую волю, да, обновившись и освятившись всецело благодатью всесвятого Твоего Духа, явимся на разумной и живой ниве Твоей делателями непостыдными, и да будешь Ты един, в нас и чрез нас, Бог преблагословенный во веки. Аминь.

Слово, сказанное в 1872 году, в г. Верном, при первом служении в Мало-алматинской церкви, в храмовый праздник явления Казанской иконы пресвятой Богородицы

В настоящий день мы совершаем престольный праздник храма сего и возносим радостно-хвалебные песни в честь и славу святейшей Богоматери. В настоящий день, богоспасаемый град сей и прилежащие к нему веси, как, бы воспрянув от обычных дел работных и, сияя праздничным веселием, с видимым умилением поклоняются досточтимой и досточудной иконе Приснодевы.

Но одни ли мы это делаем, и потому ли только, что храм сей посвящен имени Пречистой? Нет. В настоящий день и вся св. Русь, по преимуществу, чествует и ублажает Владычицу Ангелов и человеков, – чествует за то величие благ земных и небесных, которое чрез Нее даровано и даруется всем прибегающими под Ее державный покров. В настоящий день и все христоименитые люди нашего царства православного спешат к подножию алтарей Христовых, чтобы там, в духе веры и смирения, молиться пред пречистым ликом Приснодевы, – и действительно молятся, ублажая Ее достойно и праведно, как Виновницу нашего спасения и как благосердную Заступницу и Предстательницу о нас пред престолом Божиим.

Таким образом, мы имеем глубокое и незыблемое основание ублажать, песнословить и прославлять святейшую Деву Богородицу, первее всего, за то, что Она есть Виновница спасения нашего, – и это не подлежит ни малейшему сомнению, когда и мы сами, и вся вселенская православная Церковь, и многие из Церквей православных всегда исповедовали и исповедуют Ее Богородицею. Что значить это исповедание? Но то ли, что Бог – Слово, единородный Сын Божий, раждаясь от Отца прежде всех веков и времен, благоволил вселиться в Ее утробу и родиться от Нее во времени? А для чего родиться? Для чего превечному Богу угодно было приобщиться нашей плоти и крови (Евр.2:14), и явиться на земле Христом Богочеловеком? Не для того ли, чтобы все грешники, кающиеся и верующие в Спасителя, оставив грехи свои, получили, по силе заслуг Христовых, полное прощение, вышли из под владычества закона греховного, живущего в их неотрожденной плоти, и, возродившись от воды и Духа, возрастали бы в жизнь духовную и

святую? Не для того ли, чтобы этим уверовавшим грешникам из чад гнева Божьего и клятвы, лежащей на них за противление воли Творческой, сделаться, на основании тех же заслуг Христовых, чадами возлюбленными, присными Богу и святыми? Не для того ли, наконец, чтобы те же грешники, осужденные за свои грехи на вечную смерть, или, что то же, – на вечное отчуждение от света лица Божьего и на нескончаемые муки во мраке адовом, освободились, по благодати Христовой, от всех ужасов адских, и не только освободились, но и явились бы наследниками бессмертной жизни в небе и непрестающего блаженства пред лицом славы Божьей?

Таковы, братия, те безмерные блага, кои приобретены для нас вочеловечившимся Спасителем. Но кто же, кто так достойно и боголепно послужил этой непостижимой тайне вочеловечения Сына Божьего и спасения нашего? Не Она ли, преблагословенная Мария? Не Она ли, по преимуществу, привлекла на Себя благой взор Отца небесного, преспевая от пелен матерних, – не возрастом только, но и благодатью и всякою добродетелью, – пред Богом и человеками? Не Она ли, возвышая присно дух свой к Богу крепкому и живому, и очищая его богомудрием, молитвословием и смирением, до того очистила, укрепила и осватила, и сердце свое, и душу, и самое тело, что Ее святая утроба сделалась вместительницей Невместимого и как бы престолом, пространнейшим небес, на котором вселившись в Приснодеву, воссел сам Бог-Слово? Истинно, Она – безвестная и неискусобрачная Богоотроковица, – родив превечное, ипостасное Слово Отчее, родила нам Спаса душ и телес наших; а чрез это бессеменное рождение, соделалась и Виновницей спасения нашего.

И вот почему св. Церковь, именуя пресвятую Деву «лествицей небесной, еюже сниде Бог, и мостом, преводящим сущих от земли на небо», ублажает Ее, как «всего мира очищение», – очищение, вследствие коего, разрешилось преступление, упразднилась клятва, отверзся рай и воссияли для всех и всюду жизнь и радость».³

Но это не все, что нас движет к прославлению Богоматери. Преблагословенная Богородица, явившись Виновницей нашего спасения, вместе с тем явилась и присной Заступницей и благосердой Предстательницей нашею пред лицом правды Божьей.

О, какое глубочайшее благоговение объемлет душу, когда воспоминаешь, как православные царства и народы, состоя под благодатным покровом Пречистой, не смотря на непрерывные мировые изменения и превращения, доселе сохраняются Ея молитвами и стоять не только невредимо, но и возрастая в силе и державе! А что сказать о тех из

наших городов и обителей, кои, всецело предашь себя в волю пречистой Владычицы, и молясь к Ней присно с верой и упованием, столько раз были спасаемы и от агарянских разорений во время оно, и от разных пагубных тлетворных язв? Не служат ли они доныне живыми и неумолкаемыми памятниками молитвенного о них заступления Владычицы мира пред судом вечной правды?

Но все это или не так к нам близко, или принадлежит ко временам прошедшим. Между тем, современные события таковы, что невольно обращают мысль нашу на явления, происходящие в среде нашей. Известно, братия, что некоторые из южных местностей нашего края давно уже несвободны от посещения Божьего. Кроме воздушных тлетворных явлений, проявляющихся по местам, то проливными дождями и губительным градом, то засухой и зноем палящим, то мириадами скнип и гусениц, потребляющих на больших пространствах не посева только, но и всяк злак травный и всяко былие полевое, ангел смерти не только развивает, почти всюду, страшный бич гнева небесного, но и поражает многих из живущих там, – в возрастающих итогах.⁴ Что же касается до нас, то промыслительная десница Божья, продолжая угобжать наши нивы, видимо благословляет и самый город и примыкающие к нему станицы, – благословляет и здравием, и миром, и обилием плодов земных. Как понимать это? Я согласен, что небесный определения о нас земнородных – нам неведомы. Но если нам и не дано звать, что именно лежит в основании зла, попущенного и действующего там, среди поражаемых: то мы не можем не знать, что в основании благословения, коим ущедряет нас Господь, и от росы неба, и от тука земли, неоспоримо лежит великая милость Содетеля всяческих. За что же к нам такая благодать, такое снисхождение и долготерпение, тогда как на других собраниях наших открыты и действуют суд, правда и непощадение Божье? Не думаете ли, братия, что Господь так воздает нам за нашу праведность? О, не прельщайтесь наветом исконного человекоубийцы. Словом Господним уверяю вас, возлюбленные; что не наши правды движут благодать небесную к излианию на нас щедрот и милостей, а матернее дерзновение и мольбы Царицы небесной удерживают Сына Ее и Бога от поражения нас за наши грехи и неправды. Да, это Ее божественный покров закрывает и блюдет наши главы от посечения мечом правды Божьей; это Ее молитвенное заступление ограждает и спасает страну нашу от приражения к ней страшной язвы – беса полуденного.

И вот, если безмерное благоутробие Матери Божьей так видимо избавляет нас от надлежащих бед и зол: то это одно не обязывает ли нас к

прославлению нашей Защитницы и к благодарению, сколько искреннему и живому, столько же и деятельному, и состоящему не в одном устном благохвалении, не в одних поклонах и лобызании досточтимого лика Ее, а в сокрушении сердца нашего, в обуздании плоти греховной, в распятии сластей и похотей, в перемене наклонностей и привычек, сложившихся в нас не под влиянием веры Христовой, а под влиянием мира прелюбодейного? Словом, наша благодарность должна состоять в оставлении всех дел дурных и богопротивных и в творении того только, что заповедано Господом, и что делает жизнь нашу истинно-христианской и святой.

И если когда, братия, то в настоящее время, особенная належит нам нужда в оставлении жизни греховной. Имейте в виду, что кто проводит жизнь не среди праздности и чувственных увеселений, питающих в нас страсти и похоти, а тем паче – не среди пьянства и объедения, кощунства и срамного плотоугодия, но среди строгого воздержания и умеренности, среди честных трудов и занятий на пользу себе и ближним, особенно же среди смирения, чистоты, неослабной молитвы и страха Божьего, тот наилучшим образом, и благодарит премилосердного Господа и Его пречистую Матерь, и предохраняет себя от всех злокачественных недугов, и в том числе и от страшных эпидемических заражений.

Таково мое первое слово любви к вам, братия. Не забывайте его. Благоговейте пред пречистой Богородицею, ублажайте Ее и чествуйте присно святою жизнью; а молясь к Ней благочестно и с умилением, молитесь не о том только, чтобы Она – Заступница усердная – продолжала изливать на вас, от приснотекущего Источника благостыни небесной, все потребные блага, а о том, первее, чтобы вам быть достойными Ее молитв и заступления, чтобы Она – Матерь Божья и Матерь всех верующих, приняла вас любвеобильно под кров своей матерней любви, как благодатных чад о Христе Иисусе, чтобы, за Ее молитвами, жизнь ваша, утверждаясь в вере и во всякой правде и святости, пред всеми сияла во славу Отца небесного и во спасение не ваше только, но и других. Памятуйте, что мы – овцы Христовы – живем здесь среди овец, еще не принадлежащих ко двору Христову.

Имея это в виду, молю вас, братия, во имя Приснодевы и Ее Сына, нашего Спасителя, молю вас, живите так, чтобы не только в вас и между вами, но и в среде неверных святилось чрез вас и славилось имя Божье, чтобы и самые сопротивные из них и более заматорелые в изуверстве, видя ваше трезвое, честное и святое житие, ревновали по вашей вере и благоговели пред Христом, Спасителем нашим.

О, когда бы милосердый Господь, по молитвам Пречистой, и всем нам дал дух и силу жить так, чтобы наша безукоризненная жизнь служила наилучшей евангельской проповедью для непризванных еще в ограду Христову! Тогда, братия, ускорило бы то, сокрытое в св. судьбах Божьих, время, когда из всех племен, населяющих край сей, составилось бы едино словесное стадо под единым, премудрым и всемогущим Пастырем. Тогда царствие Божье, состоящее в правде, мире и радости о Дусе Святе (Рим.14:17), водворилось бы внутрь нас, и мы, живя еще на земле, – живя в этой юдоли слезь и воздыханий, сподобились бы предвкусить блаженство царствия небесного, нескончаемого. Аминь.

Слово на новый 1873 год, говоренное в Туркестанском кафедральном соборе

Милосердый Господь сподобил нас, братия, еще раз переступить знаменательную черту времени, – черту, отделяющую наступившее, новое лето, от лета прошедшего. Итак, по благоволению Творца мира и веков, мы еще триста шестьдесят шесть дней прожили на земле живых, чтобы более созреть для неба и вечности. И вот, если благодетельная десница Божья не престаёт нас миловать и ущедрять дарами своей благостыни, изливая на всех и каждого, каждый день, каждый час и каждую минуту, новые блага и от тука земли, и от росы неба: то сколько же благ земных и небесных излито на нас этой всепромыслительной десницей, в течении всего прожитого нами года! Но мое намерение, не исчислять пред вами несчетные блага, ниспосланные вам от Отца щедрот в лето мимошедшее, а остановить ваше внимание особенно на одном из них, как на событии, выдающемся из ряда явлений эфемерных и видимо благотворном, не только для русского православия, населяющего край сей, но и для разноплеменного иноверия и язычества, искони обитавших в необозримой сей пустыне.

Что же это за событие? Да, братия! Событие не завоевательное и многошумное, не громкое и блистательное, но мирное, тихое и объемлющее своим влиянием и своими действиями одну лишь среду церковно-православную, – событие, состоящее в открытии здесь, в минувшее лето, отдельного и самостоятельного епархиального управления, долженствующего, частью обновить и возродить, а частью восполнить и утвердить развитие тех нравственно-религиозных начал, которые уже положены в этой стране, сколько обширной и отдаленной, столько же и дикой и номадической.

Отсутствие епископской кафедры в среде христиан, не многотысячных по численности, но рассеянных небольшими поселениями на многотысячном, по измерению верстами, пространстве, было причиной, что Туркестанский край, состоя под начальством одного военно-народного администратора, делился на два церковных управления, вполне тождественных по духу, по цели и по самым законам правления, но не вполне таковых же по их действиям и влиянию на управляемым, а главное, весьма отдаленных от церквей, кои были им подведомы. Отселе происходило весьма немалое затруднение и медление в сношениях, не говоря уже причтов церковных и прихожан со своими епархами, но и самых

епархов с военными и гражданскими властями, разных областей Туркестанского края. А из сего, по необходимости, должны были возникать и возникали, по делам церковным, значительные нестроения и беспорядки от вмешательства в дела церковные правительственных лиц нецерковных. Но это не все.

Огромные расстояния от центров епархиального управления, той и другой половины раздвоенного Туркестана, отнимали всякую возможность у владык-епархов, посещать управляемые ими церкви и наблюдать за чиноположением не только относительно храмов, но и самых богослужений. Следствием сего были то, что, не говоря уже о ведении приходорасходных книг по церквам, о выборе старост при них, о записях разных церковных актов, об отчетностях и о порядке представления их стали возникать и укореняться, особенно по Сыр-Дарьинской области, и в самой литургии очень заметные аномалии и разности; тем паче, что священство, – поступившее сюда из разных епархий, а следственно, и дело богослужения, и ведение записей церковных, и наблюдение за порядками по церкви, изучавшее в разных местах и под руководством разных наставников, – не могло иметь и не имело ни единомыслия в понимании церковного устава, не везде одинаково ясного и полного, ни единомудрия в уразумении духа всех наших служб православных, ни единообразия в самом совершении как священнодействий в храмах, так и требоисправлений по домам.

Ныне же, – да будет преблагой Господь благословен во веки! ныне – с водворением в Туркестанском крае отдельной иерархической кафедры, все высказанные затруднения и неудобства, по взаимным сношениям между собою, властей с властями и парахиотов с начальством епархиальным, миновались, да и вмешательства со стороны начальств военных в дела церковные – вмешательства, бывшая доселе неизбежными, стали редеть и прекращаться, а что всего важнее, несходства и уклонения от духа законоположений православно-вселенских, в службах и требоисправлениях церковных, приостановлены и со дня на день принимают вид более единообразный и правильный. И все это, по воле и благословию вседержавной главы Церкви, Господа нашего Иисуса Христа, начато и по возможности устроилось в дело прошедшее. Вот, братия, то событие, на которое я хотел обратить внимание ваше, чтобы возбудить и подвигнуть православный дух ваш к излианию чувств искренней благодарности пред всемогущим Правителем мира и Церкви, все совершающим не только премудро и в свое время, но и с целями всегда для нас благими и спасительными.

Между тем, благотворные действия иерархического события, о котором говорим, не ограничиваются одной средой церковно-православной. Самые разноплеменные и разноверные азиаты, составляющее коренных жителей и как бы аборигенов сей страны, как ни далеки еще от Христа и веры в Него, но чрез водворение здесь самостоятельного церковного управления, и они, как бы ближе стали к царствию Христову.

Незадолго пред открытием здесь кафедры, в одной из Туркестанских областей, открыто было миссионерство. Действия сего благотворного, но еще не утвердившегося предприятия, не имели ни отдельных руководственных правил, ни полного систематического устава, ни сношений с другими миссиями самостоятельными, а потому, по многим отношениям, и долженствовали бы состоять, по крайней мере, под наблюдением епархиального начальства и консистории. Несмотря на это, взаимные сношения между здешним миссионерством и прежней его епархиальной властью, отдаленной и отделенной от миссионерства и реками и горами, до того были затруднительны, что, кроме начального репорта о крещении нескольких сотен китайских эмигрантов разом, – при поступлении их в русское подданство, едва ли когда и возникали. Теперь же, все указанные препятствия сами собой устранились, и миссионерской энергии во всем дан ход безостановочный и развитие более правильное и успешное.

Но сказанное о миссионерстве, более или менее, должно относиться и ко всемномадам, обитающим в здешней стране. Надобно сказать, что в нашем край их много, и что все они образуют – своего рода нивы, нивы живые и самодвижные, но тем не менее подлежащие жатве, хотя час жатвы далеко, далеко еще в будущем. В настоящее же время весь наш бродячий, дикий и неверующий люд, скорее представляет собой, не Самарийские, плавья к жатве нивы (Ин.4:35), на кои ученикам указывал Спаситель Христос, а то таинственное поле, которое посреди пленения, видел, ветхозаветный Пророк и которое покрыто было множеством сухих костей человеческих. Это, конечно, неутешительно; но мы уверены, что не всегда так будет.

Мертвые кости, виденные Пророком, как ни казались обреченными на вечную смерть и тление; однако же не оставлены на всегда в состоянии нескончаемой тли и саморазложения: но всемогуществом и благостью Творческой, по гласу того же Пророка, возбуждены, воздвигнуты, и стаща на ногах своих собор многозело (Иез.37:1–9). А если там всезидущая сила Божья, действуя по совету воли своей, благой и премудрой (Еф.1:11),

оживила казавшееся омертвевшим на веки; то почему не думать, что та же, всемогущая и преблагая воля Божья и здесь воздействует, в свое время, чтобы возбудить и оживить и ваших омертвевших скитальцев, сущих без Христа и помраченных смыслом, а потому и отчужденных от жизни истинной, – жизни Божьей и святой (Еф.2:12, 4:18)? Почему не думать, что водворение здесь епископии есть в путях Промысла, как бы, сигнальное предъизвещение, что если еще не близок, то и недалек уже, тот момент, когда Адонай Господь возглаголет новозаветным Пророкам, да прорекут на сухие кости страны сей? Скажу более, почему не думать, что появление, в страна семи рек, одного из преемников служения Апостольского, – вовсе не самослучайно, а имеет довольно близкое отношение к появлению на Иордане Предтечи, предрекавшего всем спасение Божье чрез Христа Господня? Почему так не думать, когда это не без основания?

Припомните, братия, что и средне-азиатские аборигены суть люди, и что они не настолько чужды от заветов обетования, и не до того безбожны в мире (Еф.2:12), что вполне и навсегда отринуты Отцом всех человеков и всех тварей. Нет. По слову Апостола, и между ними должны быть и боящиеся Бога и делающие правду (Деян.10:35), а следственно, и недалече стоящие от царствия Божьего (Мк.12:34). И вот, от таковых ли одних, или и от других из их среды, но заявления азиатов о желании креститься, с занятием русскими сего края, действительно, по временам, возникли и были заявляемы, но все они, как преждевременные, оставались без желаемого конца. Более общая причина сего конечно одна; час благодатного озарения нашей страны, тогда, был еще в будущем. Что же касается до причин частных и даже видных, то почти все они возглавлялись одной и зависели от того, что в столь обширной, раскиданной и отдаленной от всех соседних епархий, стране, не было самостоятельного, епархиального управления. Это обстоятельство, – одно, более всех затрудняло и крайне замедляло ход дел церковных, даже в официальных сношениях Туркестана с Оренбургом и Томском; а известно, что в деле прозелитизма ничто так не вредило и не вредит, как проволочка дела и медление. Томительные ожидания иноепархиальных решений, чем более длились, тем неизбежнее охлаждали в оглашенных и самые искренние, по началу, намерения креститься, а затем, мало-помалу, ослабляя в них расположение к небесной истине, подавляли, наконец, и всякую мысль о Христе.

Таковы были трудности и неудобства для азиатов- туземцев, заявлявших желание просветиться светом евангельской истины, и все это

было злом неизбежным, доколе здесь не было епаршеской кафедры. Но с открытием ее произошли по всему Туркестану, и для всех, значительные изменения в ходе дел; относительно веры и Церкви. В настоящее время, и для православия открылось гораздо более удобства к исполнению обязанностей церковно-христианских, и относительно язычествующего неверия, во многом устранены те преграды, по коим Церковь Христова, для туземцев представлялась слишком далекой и недоступной для тех из среды их, кои иногда желали вступить в Церковь и принадлежать к числу верующих.

Теперь, думаю, и вы сами, возлюбленная братия, понимаете, почему я остановил свое и ваше внимание на открытии здесь епаршеской кафедры, как на благе, явно выходящем из уровня благ, ниспосланных нам в лето прошедшее. Благодатное озарение светом Христовым столь обширной местности, и имеющееся в виду распространение по ее лицу истинного богоразумия между закоченевшими в праотеческом мраке и заблуждениях, не может не радовать духа нашего, как безмерная милость Божья и величайшее из благодеяний, изливаемых на земнородных милосердным Промыслителем и Подателем всякого блага.

Одушевимся же, чадца мои о Господе, безмерностью благ, ниспосланных нам в лето мимошедшее, да вознесем глас хвалы и благодарения к преблагому Отцу и Содетелю всей твари. А чтобы наши коленопреклонные мольбы и славословия были действительнее пред престолом Триипостасного, обновимся, вступая в новолетие, – обновимся и сами, – оставив все греховное в наших делах и замыслах, в наших привычках, стремлениях, увеселениях и во всем образе жизни нашей, и, решившись на одно лишь истинное, честное, богоугодное и святое, вступишь на путь правый и блаженный, и будешь остальное время жизни ходить по нему, не якоже немудри, но якоже, премудри (Еф.5:14), – ходить не по духу мира сего, но по духу иже от Бога (1Кор.2:12). О, тогда сугубый свет, – свет нашей веры и наших дел благих, – отражаясь чрез нас на кочующих клеветках наших, с одной стороны, послужить им наилучшим побуждением к уверованию во Христа, а с другой, – привлечешь на нас самих благосердый взор Отца небесного, который простит нам и все грехи мимошедшего лета, и благословит нас на вступление в новое лето, – благословит благословением благостынным, как Царь мира и Отец щедрот. Аминь.

Слово, сказанное в г. Казалинске, при обозрении епархии, в неделю 6-го по Пасхе, в 1873 году

Христос воскрес!

Благословен Господь, благословивый моему смирению узреть наконец, и самый отдаленный край вверенной мне паствы, – узреть лицом к лицу вас, боголюбезные обитатели сего града Божьего! Благословен Христос, Спаситель наш, укрепивый немощь мою не только прийти к вам, чтобы соутешиться в вас верой общей, вашей же и моей, но и преподать вам некое слово мира и любви, ко утверждению вашему (Рим.1:10–12)! Благословен и препрославлен Святой Вседержитель, устроивый пришествие мое к вам в такое время, когда святая Церковь, вспоминая сорокодневное пребывание на земле воскресшего Жизнодавца, еще продолжает радовать верующих богорадованной песнью о Его воскресении, начиная ею каждое из своих богослужений! Имея это в виду, я ничего не нахожу, чем бы лучше и мне начать мой привет и мое сорадование православному населению града сего, как тем же возглашением Церкви: Христос воскрес!

Да, братья и чадца моя о Господе! Эти слова всегда животворны и радостны для сердца верующего. В них не только основание, но и возглавление и венец нашей святейшей веры, и всех соединенных с ней, наших надежд и чаяний, не земных только и временных, но и небесных и вечных.

Что значит, что Христос воскрес из мертвых – воскрес силой Божества своего и по точному о том предсказание не только святых писаний, но и Его самого? Не то ли, что Он, будучи Сыном человеческим и совершенным человеком, подлежавшим смерти, также как и все мы, вместе с тем есть и Бог бессмертный и всемогущий, и Сын Богу Отцу совечный и соприсносущный? Что значит, что Он не только неповинный и безгрешный, но и святых святейший подвергся страшной казни и, претерпев распятие, вкусил смерть самую мучительную и поносную? Не то ли, что Ему – неведевшему греха (1Кор.5:21), правдой Божьей вменены грехи всех людей, да и не одни грехи, но и наказание за все грехи всего мира, – вменены для того, чтобы Его мучительными язвами всем нам исцелеть от язв греховных (Ис.53:5), оправдаться и прославиться в жизни наднебесной? Не то ли, что Он есть тот обетованный Примиритель земли и неба, – тот Агнец Божий, который для того и явился в мир, чтобы добровольным принесением Себя в жертву правосудию Божьему,

сделаться избавлением и очищением грехов всего мира (Еф.1:7, 1Ин.2:2)? А это не значит ли, что Христос и умерь и воскрес для того, чтобы все человечество избавить и спасти от смерти, на которую все мы обречены еще во Адаме?

Но в чем, спросите вы, состоит это избавление от смерти, когда мы и после Христа, точно также умираем, как и до Христа?

Чтобы разрешить это и уяснить, нужно знать, что такое смерть? Не правда ли, братия, что нам известна та лишь смерть, которая состоит в прекращении жизни человека, т.е., в том, что тело наше от старости ли, от болезни ли, делается ни к чему нечувствительным, обомлеет, и начинает распадаться, а душа, разъединившись с отжившим телом, навсегда оставляет его и отходит в мир иной? Что это, действительно, смерть, в том нет сомнения, но несомненно и то, что кроме этой смерти, еще есть смерть, которую, в отличие от первой, слово Божье называет смертью второй (Апок.21:8).

Смерть первая, как видимая и телесная, подлежит нашим чувствам и относится к одному лишь телу, которое, перестав жить, предается земле и тлению, без надежды когда-либо восстать и соединиться с душой. Смерть вторая – невидимая и духовная – принадлежит к душе и состоит в том, что душа, находясь под грехом и клятвой, тотчас же, по разлучении с телом, отторгается от неба и от Бога, а следственно и от того присносущного света, в коем наша жизнь и блаженство. И вот начало тех бед и болезней адовых (Пс.113:3), кои объемлют душу за гробом отовсюду, и кои состоят в том, что душа грешная начинает томиться и блуждать среди безжизненных мраков, безотрадно снедаясь лютой скорбью, а наконец, претерпевая все возможные горести и муки, неизбежно низвергается во дно адово и там вселяется посреди злых демонов и подобных себе душ. Собственно говоря, это, как вы видите, не смерть души, не конец ее бытия и не уничтожение, а продолжение существования души без конца, и следственно, это, скорее – жизнь и жизнь бессмертная, но жизнь до того страшная, лютая, безнадежная и безжизненная, что она безотратнее и мучительнее всякой смерти.

Таковы две смерти, коим неизбежно подлежало и подлежит все грешное человечество. От которой же из сих избавил нас своей смертью воскресший Господь, – теперь это донять не трудно. То есть, братья, Спаситель Христос освободил нас своею смертью от смерти второй, невидимой и духовной, как наиболее лютой и мучительной. Что же касается до смерти первой и телесной, то не должно забывать, что она есть, по слову Апостола, наш враг последний (1Кор.15:26), и что в

предвечных судьбах Божьих положено упразднить эту смерть во второе пришествие Христово. Таким образом, смерть первая до ныне еще не отменена и не уничтожена, а только поправа смертью Христовой, и поправа на столько, что адская лютость ее обуздана, и самая держава власти ее разрушена.

Чтобы видеть это, невидимое изменение смерти, видимо царствующей над нами и теперь, следует только припомнить, что, если бы Христос не воскрес, то наше бездушное тело, будучи всегда брэнно к подлежа тлению, конечно и оставалось бы навсегда в состоянии тления и как бы исчезновения, без всякой надежды на оживление. Ныне же, когда Христос, начаток умершим, (1Кор.15:20), воста от мертвых, и когда из живоносного гроба Его всюду и для всех воссияли жизнь и нетление: наше мертвое тело, хотя и сеется, подобно семени, в землю, и погребается там и согнивает; но и согнивая, не исчезает, а напротив, как и всякое семя, из самого тления извлекает зачатки жизни новой. Таким образом, теперь наше тело, истлевая и потом снова возрождаясь силой Воскресшего, имеет в свое время восстать и восстанет гораздо лучшим, чем было, – восстанет бессмертным, нетленным и духовным, – восстанет для того, чтобы, соединившись с душой, при трубе Архангела, начать жизнь иную в небе, – жизнь нестареемую и вечно-блаженную.

Итак, не говоря о том, какое спасательное действие произвело воскресение Христово на загробную участь нашей души, смотрите, братия, как отраднo изменилась в воскресении Христовом загробная судьба и самого тела нашего. И это-то имея пред глазами, все верующие во Христа воскресшего, приближаясь к смерти, давно, давно уже перестали страшиться ее жала, а тем паче скорбеть и воздыхать об ужасах загробных. Могильный сумрак, для призванных ко спасению, теперь не страшен; а потому все они вступают под сень смертную спокойно и с твердым упованием жизни лучшей, – вступают, взирая на смерть, как на подземное перерождение, и следственно, как на приобретение и начало новой и вечно-блаженной жизни: мне бо, говорит снятой Павел от лица всех верующих, мне бо, еже жити, Христос, а еже умрети, приобретение есть (Филип.1:21). А как это и почему, – ответна то дает нам наша св. Церковь: смерти празднуем умерщвление, воспевае она, и иногo жития вечного начало.⁵ Таков благодатный плод, даруемый нам из гроба воскресшим Жизнодавцем, относительно смерти телесной!

Но, говоря о поправии этой смерти и о притуплении ее жала смертью Христовой, мы, хотя и стороной, но уже упоминали и о другом ее виде, о смерти невидимой и духовной, выясняя, что эта смерть вторая еще первее

и решительнее воспящева и остановлена в своей лютости, смертью Спасителя Богочеловека, – воспящена до того, что спасаемые благодатью Христовой всецело свободны от адских мраков и мук геенских.

Каким же образом; и что, именно, спасает нас грешников сущих, и врагов Божьих (Рим.5:8, 10), от мрачных адовых удолий? О, братия! При мысли о сем, нельзя от умиления не содрогнуться и не возблагодарить пред неисследной бездной благостыни небесной. Кому неизвестно, что от крошечного тартара всех нас спасает одно милосердие Отца небесного, хотением нехотящего смерти грешника (Иез.18:23, 32), – одна безмерная и неизглаголанная любовь Его к нам, и спасает таким образом:

Когда мы грешники, пришедши в себя и в сознание грехов своих, оставляем путь греха и неправды, и обращаемся к Богу с сердечной верой во Христа Спасителя: тогда на небе, пред Ангелами Божьими бывает радость, и Отец небесный, не только не отвращается никого из грядущих к Нему с раскаянием, но и приосеняет всех духом своего благоволения и благодати, возрождающей в жизни новую (Лук.15, 17–23). Когда же возрождаемые приступают к исповеданию своих грехов, и исповедуясь пред Спасителем Христом, не только скорбят и сокрушаются о своих неправдах, но и раскаиваются в них, и полагают решительное намерение, более не грешить: тогда сила заслуг Христовых вполне являет свое благодатное действие, и кровь Спасителя мира, омывая и очищая кающихся грешников от всех скверн греховных, дарует им благодать всепрощения. Но и здесь еще не конец действиям любви и благодати Божьей.

Получая прощение в своих грехах, возрождающиеся в жизнь новую и святую, в то же время получают и благодать примирения с правдой Божьей, а за примирением с Богом, – и оправдание заслугами Спасителя, и освящение благодатью всесвятого Духа. И вот, таким-то образом грешники, подлежавшие клятве и отчуждению от лица славы Божьей, чрез веру во Христа, искупившего их от клятвы (Гал.3:13), оправдываются и освящаются, а освящаясь, получают всыновление (Гал.4:5) и делаются чадами Божьими, наследниками царствия и сонаследниками Христу (Иак.2:5; Рим.18:16, 17).

Понятно, что таковым благодатным сынам Божьим уже не смерть вторая и вечная и не ад преисподний предлежат за гробом, но вечная жизнь в небе и те райские обители в дому Отца небесного, в кои святые души их тотчас же, по разлучении с телами, и относятся Ангелами Божьими (Лк.16:22). А это не значит ли, что смерть для грешников нераскаянных, – смерть вторая, столь лютая и бесконечная, для истинно

верующих в Спасителя мира, всецело упразднена и не существует? О, сколько благ даровано нам смертью Христа воскресшего!

Радуйтесь убо, возлюбленная о Господе братия, и паки реку, радуйтесь. Радуйтесь, ибо нарекованным советом и изволением премудро-благой воли Бога триединого (Деян.2:23), мы озарены евангельским светом истинного богоразумия; нам открыты тайны царствия Духом Святым; сам Бог, явивыйся во плоти (1Тим.3:16), проглаголал вам волю Отца небесного; но Он же Сам и искупил нас, как от рабства греховного – здесь, на земли, так и от вечного порабощения – там, в узилищах геенских.

Но, чтобы радость наша о толиком богатстве к нам любви Божьей была достойна, свята и боголепна: живите, братия и чадца мои о Господе, праведно, благоговейно и богомудро. Не забывайте, что мы призваны в ограду царства Христова, не на срамные дела плоти и мира прелюбодейного, а на святость и благочестие. Не забывайте, что все мы, при самом вступлении в Церковь Христову, обещались и обязались всегда и во всем быть верными Христу, и следовать за Ним с крестом на раменах, как за Начальником и Совершителем спасения нашего (Евр.12:2).

А прибавлять ли к этому, что, живя здесь, в таком отдалении от родной России, – живя в этой неизмеримой пустыне, и среди язык, ходящих в суете ума их, помраченных смыслом и отчужденных от жизни Божьей (Еф.4:17, 18), мы имеем, особенное пред нашими соотчичами, побуждение внимать своему спасению и жить свято и непорочно? Помните, что если мы, называясь христианами, будет здесь жить не по духу Христову, а по влечению страстей и похотей сердца неотрожденного, – будем жить невоздержно и нетрезво, среди взаимных распрей, обид, буесловия, сквернословия и всякого рода несправедливостей: то наша жизнь, служа соблазном для неверных, будет служить для них и препятствием в обращении ко Христу. Скажу более. Наша жизнь, распущенная и безобразная, может подвигнуть неверных не только к уничтожению нашего святейшего верования, но и к презорству и хуле на самого Христа, Бога и Спасителя мира. Когда же, напротив, жизнь наша будет сиять правдой и чистотой, честностью и трезвостью, трудолюбием и взаимной любовью: тогда она предрасположит и привлечет и к нам самим и к нашей вере самое заматорелое упорство и неверие в язычестве и мусульманстве.

Вот то слово, возлюбленная братия, которое я имел преподать вам, приветствуя вас миром. Оно скудно извитием словес и научной мудростью, но нескудно моей старческой к вам любовью и сердечно-молитвенным желанием вам спасения. Сохраните его в умах ваших,

осуществите самой жизнью: а тогда и скудное неоскудно воздействует в сердцах ваших, да вселится в вас сила Христова (2Кор.12:9).

Наипаче же молитесь, чадца моя о Господе, к Отцу щедрот, чтобы сам Он, действуя в вас и по благоволению хотения своего (Еф.1:5), и по силе заслуг Христовых, – Сам совершил спасение ваше, соединив всех вас, и дальних, и ближних, и присных в вере и неверных, во едино словесное стадо, под единым Пастыреначальником и главой Церкви – Христом. А тогда благословение Божье и мир Христов пребудут присно с вами и в вас, и послужат вам как бы предвкушением тех небесных утех и наслаждений, кои уготованы пред лицом Господа славы, всем преподобным и святым. Аминь.

Слово на день святого Архистратига Михаила, говоренное в Кискелине, при выселке Любовинском, Семиреченской области, в 1875 году

Празднуя ныне в честь святого Архистратига Михаила, вы совершаете, братия, праздник престольный, храмовый: ибо этот храм, этот дом молитвы, возносимой вами ко Господу всенародно, посвящен имени сего Архангела. Таким образом, первый Архистратиг сил небесных и первый предстоятель славы Вседержителя есть первый и поборник ваш пред престолом Божьим, и предстатель и молитвенник пред лицом Господа Саваофа, не только о приосенении святого храма сего, но и о спасении всех прибегающих на молитву под кров его. Итак, нынешний день для вас, братия, есть день, по преимуществу, праздничный, радостотворный и святой.

Приветствуя вас с таким нарочитым днем, я сорадуюсь вам духом моим, и молю милосердие Божье, чтобы Господь сил, за предстательством и молитвами поборника вашего, святого Архистратига всех горних чинов, укрепил своей благодатью, и все дни жизни вашей проводить свято и благочестно, но особенно, дни подобные настоящему, – дни праздничные, нарочитые и святые.

Не сомневаюсь, возлюбленные, что в среде вашей были и есть истинно верующие, которые, воздавая подобающую честь святым праздникам, провождали и провождают их, по заповеди Христовой и Апостольской. Однако же, думаю, что в таком множестве вас званых в царство Христово, по слову самого Христа, не все избранные (Мф.22:14). Думаю, что и у вас, как и везде, есть и такие, кои, освобождаясь в праздники от обыкновенных дели занятий и ища приятных развлечений, проводят их в мирских удовольствиях, забавах и увеселениях. А если есть такие, то как смотреть на это? Может ли подобное, не святое проведение праздников христианских иметь место в среде христианской?

Да, братия! Не сокрою, что было бы лучше, если бы сего не было; но не сокрою и того, что мир – не пустыня, а живущие в мире – не отшельники. Да и святая Церковь, предначиная свои праздники радостью духовной, не возбраняет, и телесной, благословляя всех наслаждаться, во славу Божью, и пищей и питием и отдохновением от трудов и некоторыми удовольствиями, соответственно праздничному настроению духа (Кол.2:16); предостерегает же только от излишеств, в чем бы то ни было,

чтобы пресыщением в наслаждениях не омрачить в себе образа Божьего и не утратить в сердца святой праздничной радости. Таким образом, праздничные развлечения и утехи не позволительны и в мире христианском, если они не противны духу Евангелия, и не выходят, как сами из пределов благовидности и приличия, так и предающиеся им – из границ умеренности и воздержания.

Но что, если эти телесные увеселения сопровождаются такими явлениями, кои очевидно богопротивны и греховны? Что, если иные из вас, без меры предаваясь мирским забавам, падают во искушения различные (Иак.1:2), и доходят до явного безобразия в словах, делах и движениях? Что, если вы, не умеряя в себе порывов чувственности ни мыслью о Боге и Его вездеприсущие, ни страхом смерти и суда, с увлечением предаетесь соблазнительным играм, бесстыдному удалству, безобразным разгулам, а наконец, и всякого рода делам срамным и неподобным? Думаете ли, что христиане, утопая в плотской нечистоте и богомерзском пьянстве, проводить праздники Господни, по христиански и по намерению Божью?

Вспомните, братья, что такое праздники и с какой целью Господь Бог заповедал чествовать их. Вспомните, что праздники и ветхозаветной Церкви иудейской, и нашей христианской, суть дни, кои благой Зиждитель мира и человеков ознаменовал неизчетным множеством милостей и щедрот, излитых Им и на мир весь, но особенно на все человечество. А это не значить ли, что праздники, как дни особенных к вам благодеяний Божьих, и следственно, как дни святые, должны быть, и по сознанию долга и по прямой заповеди Творческой, присно памятуемы нами, чествуемы и освящаемы. Но в чем состоит, спросите вы, это чествование и освящение? – В том, чтобы дни праздничные провождать, преимущественно, во всяком благочестии и чистоте (1Тим.2:2), – провождать не только в хвалебных славословиях и живой усугубленной молитве к Богу, но и в делах милосердия и благотворения к ближним нашим, и вообще, в хождении по духу Христову, во всякой правде и святости.

А чтобы эта высокая цель была удободостижней для всех нас, для сего и в иудейские субботы и праздники, и в наши воскресные и праздничные дни, строго были воспрещаемы и воспрещаются все обычные дела и работы, чтобы никто из-за них не отказывался посвящать эти дни всецело Господу Богу.

Теперь сами судите. Жизнь распущенная и распутная, жизнь видимо законопреступная и порочная, ужели есть то освящение дней Божьих и

святых, которого требовал и требует Господь от всех своей заповедью: помни субботный, еже святити его (Исх.20:8)? Ужели такая жизнь есть то сердечное благодарение за безмерные блага, излитые на нас в эти дни десницей Божьей, коего требует Отец небесный, взывая к каждому из нас: сыне, дождь ми твое сердце (Притч.24:26)? Не скорее ли, подобная жизнь есть дерзкое нарушение заповеди Божьей, – нарушение, соединенное с поруганием и как-бы осквернением дней святых? Если же так, то те, кои небоязненно позволяют себе нарушать божественные уставы, провождая праздники Господни неблагочестно, по крайней мере, да ведают, что Святейший Бог поругаем не бывает (Гал.6:7), что унижение святыни Господней, хотя остается иногда ненаказанными и надолго, но не навсегда, и что громы гнева небесного, рано или поздно, разразятся над осквернителями дней святых, чтобы поразить презорствующее нечестие.

Мы упомянули о ветхозаветных субботах. Но не должно забывать, что все ветхозаветные празднества далеко не имели того значения, как наши праздники христианские. То были – одно лишь прообразование, одна лишь сень грядущих благ (Евр.10:1), – одно прикровенное предуказание на то, что для нас имел сделать и сделал Спаситель Христос, даровавший всем верующим в Него благодать возблагодарить (Ин.1:16). Между тем, вспомните, как строго и настоятельно повелевал Святой Израилев, хранить и самые прообразы благ новозаветных, т.е. праздники иудейские, и как грозно претил неминуемой карой за нарушение их и осквернение: Субботы Моя сохраните, вещал Он чрез Моисея, есть бо знамение между Мной и вами. И да увесте, яко Аз Господь освящаяй вас. И сохраните субботу, яко свята сия есть Господу и вам: осквернивый ю, смертью умрет (Исх.31, 12–24).

Но если хранение и освящение субботы ветхозаветной так многократно и строго было внушаемо иудеям, то думаете ли, братья, что нам с меньшим настоянием заповедано блюсти и освящать наши праздники? Думаете ли, что от нас Господь менее требует, чем от иудеев, когда, чрез св. Павла, положительно обязывает всех верующих, не одни лишь праздники, но и все время жизни, проводить благообразно и не предаваться ни пиршествам и пьянству, ни козлогласованию и сквернословию, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти (Рим.13:13)? Да и нам ли предаваться делам срамным, когда тот же Апостол, желая глубже внедрить в нас дух Христов – дух премудрости и разума, дух благочестия и страха Божьего, учит, что наша жизнь всегда должна быть так чиста, свята и безукоризненна, что названные грехи, мало того, что не должны иметь места в среде нашей, но не должны и

слышаться, и именоваться между нами, чтобы самым именованием пороков не оскверняют нам слуха своего, и не заронять в богоподобную душу помыслов греховных (Еф.5:3)?

И не удивляйтесь, возлюбленные, что от нас, христиан, требуется такая высота нравственной чистоты и совершенства. Вспомните, что мы входим в состав Христовой Церкви, а Церковь Христова, по благоволение и благодати Бога Отца, омыта, очищена, освящена и оправдана кровью единородного Сына Его и благодатью пресвятого Духа (Еф.5:27). Нам ли же, после столь безмерных благ, нам дарованных, – нам ли, возрожденным и освященным от воды и Духа, не проводить свято и праведно, тех нарочитых дней, кои так благочестно празднует и освящает наша святя Церковь? Нам ли не сиять, по Апостолу, чистотой жизни благодатной, якоже светилам в мире (Фил.2:15)? Нам ли не светиться евангельскими добрыми делами так, чтобы их видели не одни присные нам по вере, но и чуждые нам и неверные, – видели, и прославляли Отца небесного (Мф.5:16)?

Да, братья! Окружающие нас иноверцы отчуждены от жизни Божьей и святой, как неозаренные светом евангельского верования; но не думайте, чтобы они отчуждены были и от слышания Евангелия и от принятия веры и благодати спасения. Нет! Отец небесный, пославший в мир Сына своего для спасения мира, есть Отец всех человеков и всех тварей. Он хочет всем спастися, и в разум истины прийти (1Тим.2:4). Да и Христос Спаситель сделался умиловительной жертвой не за наши только грехи, но и за грехи всего мира (1Ин.2:2). А если это мы знаем, то, живя среди непросвещенных благодатью истинного богоразумия, не обязаны ли мы и словом и делом и всей своей жизнью приближать, располагать и привлекать во двор Христов и тех, иже не суть от двора сего (Ин.10:16). И вот, когда мы так живем, что и в обыкновенные дни, а тем более, в праздничные и неделовые, ведем себя трезво, миролюбно, честно, великодушно и праведно: то все видящее нас, каких бы они верований ни были, не могут внутренне не уважать нас и не благоговеть пред величием и высотой нашей веры, как истинно святой, небесной и божественной. Когда же, напротив, и в светлые и святые дни торжеств церковных, жизнь наша, так мрачна, как ночь, скрывающая столько неплодных дел тьмы (Еф.5:11), а кроме того, явно соблазнительна и порочна, исполнена лжи, срамословия и вообще таких дел, о коих не леть есть и глаголати (2Кор.12:4): то не даем ли мы чрез это повода неверным не только осуждать нас и отвращаться, как порочных, но и глумиться над нами и уничивать нашу веру, святое Евангелие и самого Христа?

Итак, молю вас, братия моя о Господе, памяуйте ваше высокое звание и то неземное достоинство, в которое возведены вы благодатью заслуг Христовых. Провождайте праздники Господни во святыхи духа и с осторожностью, как подобает званым и святым. Не забывайте, что если мы и во все дни не свободны от соблазнов и искушений: то тем более во дни праздничные; а посему трезвитесь, особенно трезвитесь в эти дни святые, стойте в вере, учащите в храм Божий, и, не ослабевая во уповании на силу благодати, назидайте и себя самих и других, чтением слова Божьего, молитвой, душеспасительными беседами, а если кто может, то и пением и в храме и в домах, но пением псалмов и песней духовных, воспевающе Господеву не устами только, но и в сердцах ваших (Еф.5:19).

Так провождаемая жизнь ваша привлечет на вас благой взор Отца небесного, а бесплотные силы небесные, особенно же сам началовождь их и Первотаинник Божий, – о, какой радостью тогда будут они радоваться пред лицом Вседержителя о вашем спасении, и с какими любвеобилием будут призирать на вас, не только охраняя вас от преткновений, но и помогая вами в борьбе с враждебными силами. Но это еще не все. Те же св. Архангелы и Ангелы, видя вашу жизнь по духу Христову, не престанут с особенным дерзновением предстательствовать о вас и молить триипостасное Божество, да умножит к вам Господь сил милость свою, да благословит вас благами земными и небесными, и да укрепит своей благодатью, пройти и окончить все земное поприще жизни, безбедно и мирно, свято и боголепно. Когда же жизнь стихийная престанет для вас в этой юдоли мира, те же лучезарные небожители паки явятся к вам, но уже не для ратоборства за вас со врагами вашего спасения, а для того, чтобы принять в свои объятия святые души ваши и вознести их к Отцу духов, где присносущный свет, непрестающая радость и бесконечное блаженство составят для вас ту, неизреченно благую часть, которая не отыметя от вас во веки (Лк.10:42).

О, когда бы Царь веков и Отец будущего века, за молитвами и предстательством святых Архангелов и Ангелов, и всех нас сподобил этой блаженной части во царствии небесном! Аминь.

Слово, говоренное в Туркестанском кафедральном соборе в среду первой седмицы св. четыредесятницы, в 1874 году

Приидите и истяжимся, измыйтеса и чисти будете, отымите лукавства от душ ваших, и аще будут греси ваши, яко багряное или червленое, яко снег и яко волку убелю (Ис.1:16, 18).

По благодати и долготерпению Божьему, мы достигли, возлюбленная братия, св. четыредесятницы, и уже, иступили на духовное поприще поста и молитвы. Значит, благодать Божья еще раз дарует, нам время для покаяния и очищения душ наших от скверн греховных. Значит, дверь милосердия небесного, отверзтая для всех заслугами Сына Божьего, доселе еще не заключена пред нами. Значит, благодатный зов ко спасению еще не прекратился для нас, и Отец небесный с сонмами Ангелов и святых еще не престаает ожидать обращения нашего. О, какая милость Божья к нам грешникам! Какая беспредельная любовь Творца к делу рук своих! Можно ли не видеть и не чувствовать столь благосердного о нас смотра Божьего, не хотящего, да кто погибнет, но да вси в покаяние приидем (2Пет.3:9)? Можно ли не благоговеть пред такой благодатью Отца небесного, и не благословлять Его дивного долготерпения, вводящего нас в пречестные дни сии, и радующего дух наш надеждой столь близкого к нам спасения? Да, братия! Если когда, то ныне, действительно, и ближе к нам и удобнее для нас спасение Божье. Если когда, то теперь настало время самое благоприятное для того, чтобы нам в сокрушении духа отозваться на призыв Вседержителя, простираемый к каждому из нас: приидите и истяжимся, измыйтеса и чисти будете, отымите лукавства от душ ваших, и аще будут грехи ваши, яко багряное и червленое, то снег и яко волку убелю (Ис.1:16, 18).

Поспешим же, возлюбленные, оставить путь греха и нечестия, и обратиться ко Господу Богу в посте, плаче и сетовании. Погрешим войти в себя самих и осмотреть тайную клеть сердца нашего, со светильником слова Божьего. Поспешим углубиться в свою совесть, чтобы увидеть, сознать и осудить все свои грехи и неправды. А сознав и осудив в себе все нечистое и богопротивное, отложим с полной решимостью и навсегда дела тьмы и блужения, примиримся с небом и совестью; взыщем царствия Божьего, и правды Его (Мф.6:38), и начнешь жизнь новую и святую.

Долготерпение Божье безмерно, и милость Господня от века в век;

однако же не забывайте, братия, что грешники, предающиеся дремоте греховной, и при долготерпении Божьем могут погибать и погибают невозвратно, – не забывайте, что все, что на земле и во времени, как бы ни длилось, но не вечно. И вот, если мы будем коснеть в беспечности и нерадеть о своем спасении, отлагая день от дня свое покаяние: то и для нашей беспечности наступит конец и ударит тот страшный час, когда Господь Бог, столько ныне долготерпеливый и многомилостивый, обратится к нам, уже не с кротким призывом к покаянию, а с неотложным требованием отчета в том, как мы воспользовались Его неистощимой милостью и долготерпением, – обратится не с объятиями Отчими, чтобы принять нас в лоно любви своей, яко блудных сынов, возвращающихся под кров Его, из страны далекой, но с грозным видом, как Судья неумытый, чтобы изречь нам приговор по делам нашим.

И кто знает, быть может, это наступившее поприще покаяния открылось пред нами уже в последний раз, и св. четырехдесятница для нас уже не повторится. Что же будет, когда мы не поспешим воспользоваться благоутробием Отца небесного и не омоем в слезной бане покаяния всех скверн греховных? Что будет, когда лютая смерть сразит нас неготовыми к переходу в вечность, и когда суд Божий постигнет нас, среди тех же неправд и беззаконий, кои, целую жизнь, искажали в нас богоподобие, и кои, не преставая преогорчевать небесного Мздовоздаятеля, не преставали и вопиять к Нему о суде и отмщении?

Не думаете ли, брат, что мы успеем покаяться пред смертью? О, не прельщайтесь этой мыслью, хотя она и глубоко запала и таится в нашей неотрожденной природе. Не прельщайтесь этой грубой и пагубной ложью; она есть порождение отца лжи и клеветы; ее внушает нам исконный наш враг и убийца с той адской целью, чтобы вернее погубить нас. Ведайте, возлюбленные, что в среде людской почти всегда бывает так, что кто как живешь, тот так и умирает. Кто небрежет о покаянии и нерадит об этом спасительном таинстве в продолжении своей жизни, тот и при смерти едва ли сподобится покаяния, хотя бы и взыскал его всем сердцем.

Да и что за покаяние при виде грозной и неумолимой смерти? Не думайте, что покаяние, низводящее на нас благодать всепрощения, есть дело одной минуты и двух-трех слов. Нет. Кающемся грешнику, чтобы получить полное отпущение грехов, предлежит многое. Не говоря уже о том, что ему надобно оживить и собрать в памяти своей все свои грехи и неправды, сознать и оплакать виновность их пред Богом и осудить себя всецело и пред своею совестью и пред судом Божиим: кающийся грешник неотменно должен очистить и отребить свое сердце от всех злых похотей

и вожделий, восстановить в себе образ Божий, возвысить и укрепить его, творением правды во святыни Духа (2Сол.2:13), а наконец изменить и всю свою жизнь, с одной стороны, оставив все, что в ней было преступного в богопротивного, а с другой, – положив в основу новой жизни страх Божий и решимость, неуклонно ходить по стезям Христовым.

Теперь судите сами, возможна ли перемена жизни, худшей на лучшую, в том, кто уже престаёт жить? Возможно ли обновление духа и настроение его по духу Христову, для того, кто уже испускает дух? Да и вообще, до того ли умирающему грешнику, чтоб собирать и возобновлять в памяти своей все грехи, взвешивать их тяжесть, молить милосердие Божье о помиловании и ободрять себя упованием всепрощения? Увы! Умирающий грешник, непрестанно изменяясь в своем положении, непрестанно изменяется и в духе, попеременно переходя, от болезненных ощущений к страху, от страха к надежде, от надежды к новому страху и безотрадному ужасу, а от ужаса к отчаянию и беспомощности, так что умирающий грешник, еще до смерти, перестает жить, и постепенно цепенея всем организмом, постепенно мертвеет и духом и телом, хотя душа его еще и в теле.

Какое же может быть покаяние при таком положении умирающего? – Я не отвергаю, что бывают случаи, когда нераскаянный грешник, умирая, удостоивается, по особенному стечению обстоятельств, исповедать свои грехи, пред отцом духовным. Но кто поручится, что подобная исповедь не ограничивается одним лишь движением уст без всякого участия сердца? Кто и чем заверит, что такое покаяние состоит не в одном лишь бессвязном и беспорядочном заявлении о кой-каких падениях, без малейшего о том сокрушения духа, уже пораженного отчаянием и обумершего? А одно устное исповедание грехов, без сокрушения сердца и без скорби о них самой души, обезображенной грехами, какую принесет пользу кающемуся, а тем паче, спасет ли его от той вечной и духовной смерти, которая за смертью телесной, неминуемо должна начаться для него во аде, среди мук геенских?

Вот почему, именем Христа Спасителя нашего, взываю к вам, братия, не медлить обращением ко Господу и не отлагать покаяния до последней минуты. Вот почему не некоторых только убеждаю, но всех прошу и молю вступить самым делом на начавшееся поприще сорокодневных трудов и подвигов, – вступить не шаткой и косной ногой и не с унылым и скорбным видом, но с радостным произволением духа, с бодрым умом, крепкой волей и сердцем трезвящимся, – вступить так, чтобы всем нам, друг друга подвизающе, и духом горяще, работать Господеви (Евр.10:25; Рим.12:11)

не только со страхом и трепетом (Фил.2:12), но и с верой и любовью (Гал.5:6).

А чтобы наши благие намерения совершились беспрепятственнее, усугубим молитвы и моления к Подателю всех благ, смирим плоть бдением и постом, удержим и установим ее неистово-враждебные восстания на дух, откажемся от ее мудрований, отвратим слух от пагубных обаяний мира прелюбодейного, и особенно от ядовитых обольщений ума, не покаряющегося под иго веры. В заключение же всего сосредоточим все свои желания и стремления в воле Божьей, как премудрой и святой. Тогда благодать Божья, по заслугам Спасителя нашего Иисуса Христа, осенит нас своей вседействующей силой, а осеняя, наставит, укрепит и воодушевит нас на всякое святое дело и на всякий труд и подвиг. Тогда же возбудятся в нас и скорбь и сокрушение о грехах наших, а покаяние, сопровождаемое скорбью и печалью яже по Бозе не только утешит и умиротворит дух наш, но и освятит и спасет (2Кор.7:10), и соделает всех нас наследниками вечно-блаженной жизни в нескончаемом царстве Христовом. Аминь.

Беседа, говоренная в Туркестанском кафедральном соборе, при чтении великого канона, на утрени в четверток, пятой недели святой четыредесятницы, в 1874 году

Душе моя, душе моя, восстании, что спиши?
конец приближается, и имаши смутитися:
воспряни убо, да пощадит тя Христос
Бог везде сый и вся исполняй
(Конд. великого канона).

Эту песнь Церкви, неоднократно вы слышали, еще в первую седмицу поста сего. Она есть кондак, т.е. сокращение или же сущность великого, покаянного канона, а потому и поется здесь каждый раз, когда читается самый канон, по частям ли, как это было и всегда бывает на повечериях первой недели, или весь разом и без разделения, как это делаем мы ныне, в настоящее богослужение. Таким образом, вы услышите эту трогательную песнь и ныне. Объем ее, как видится, невелик, но она преисполнена глубокого назидания и умиления. В ней нельзя не видеть и того плачевного состояния, в коем томится бедная душа, коснея во грехах, и той непрестающей заботливости, с коей святая Церковь от лица самого же грешника зовет душу выйти из состояния греховного, и те причины и побуждения, кои должны ускорить это исшествие. Вникаем в содержание песни и раскроем дух ее.

Душе моя, душе моя, восстани, что спиши? Встань, бедная душа моя! Ты уснула и спишь очень долго и крепко. Плотские похоти и страсти обуяли тебя и усыпили. Грех омрачил в тебе образ Божий, ослабил твои силы, лишил тебя праведности. Ты уже не работаешь Господеви твоему со страхом и трепетом, не хранишь Его святых повелений; но, прилепившись к миру и плоти, рабски служишь им и ходишь в похотях сердца необрезанного. В тебе нет дыхания духа благодати, ты не ощущаешь в себе ни помыслов духовных, ни чувствований благочестивых, ни стремлений святых; ты не внимлешь гласу совести, призывам Церкви, убеждениям веры. Твоя беспечность, твое нерадение явны во всех твоих делах и начинаниях; ты невнимательна даже в делах святых и Божьих, – невнимательна до того, что творишь их как бы с презорством, забывая, что проклят всяк творяй дело Господане с небрежением (Иер.48:10). Увы! На тебя уже не действуют ни утешительные обетования Евангелия, ни

страшные прещения закона. Встань же, бедная душа моя; доколе будешь спать? Твое состояние бедственно, достоплачевно. Если бы ты вышла из бесчувствия, и если бы внутреннее око твое просветлело до созерцания мира духовного: то ты ужаснулась бы, увидев, какое полчище мрачных духов окружает тебя; как они радуются, готовясь уже торжествовать победу над тобою, и как злобно плещут и веселятся о твоей гибели, считая тебя своей добычей, – добычей смерти и ада: восстани, что спиши?

Уже ли тебе неизвестно, что чем более ты спишь и чем непробуднее этот болезненный сон твой, тем неизбежнее твоя вечная гибель? Да и тебе ли, обреченной на блаженную вечность в небе, среди сонмов светозарных Ангелов, – тебе ли так беспечно коснеть в позорном плену духов тьмы и ада? Тебе ли увеселяться постыдными оковами рабства, которыми исконный враг обложил твою выю? Тебе ли с богоподобным достоинством пресмыкаться во прахе пред тленной плотью и услаждаться теми призраками, коими мир лукавый старается продлить твой пагубный сон: восстани, что спиши? конец приближается.

Твое убийственное равнодушие к своей судьбе необъяснимо. Уж – не ревнуешь ли ты тем лукавующим, кои, творя беззаконие, готовы говорить и даже говорят в сердце своем: не въззщет и не узрит Господь, ниже уразумеет Бог Иаковль (Пс.36:1; 9:34; 93:7)? Не говоришь ли того же и ты, в тайне своего безумного сердца? Но это значило бы терять последнюю надежду на спасение Божье, и творить грех и хулу на Святого Духа.

Опомнись же, душа грешная, оставь безумное мудрование плоти и крови, и ведай, что если небесная кара еще не поражает тебя за твои грехи; если мощный перст Вседержителя не движет громов гнева своего на твои неправды, и не потребляет памяти твоей от земли живых: то это не от того, что Вездесущий и Всевидящий не зрит твоей срамной наготы, а от того, что Христос, Спаситель твой, доселе прикрывает, от очей неумытой правды Божьей, твое безобразие виссоном заслуг своих. Встань же, бедная душа моя, и воспользуйся долготерпением Отца щедрот. О, как безмерно благ Он и милостив! Но сколько благ и милосерд водитель всяческих, столько же и свят Он и праведен. Все времена мира гласить и не престанут гласить, что где Его благодать и долготерпение, там и правда Его и гнев нестерпимый.

Давно ли святая Церковь возвещала во услышание наше, как этот гнев Божий и разгневанное правосудие воздвигали и ополчали, по временам, самые стихии мира, чтобы стереть с лица земли всяк грех и неправду? Уже ли ты забыла, как блудствовавшие при Ное нещадно погублены в воде потопной, а грешники Содомские внезапно сожжены огнем жупельным?

Ужели забыла, как кара небесная разразилась над богоотверженными Дафаном и Авироном, и как они со всем сонмищем Кореовым поглощены землей и сошли живые в преисподнюю? А ныне, не то ли же самое ты слышишь во св. храме сем? Не то ли же, что святейшая правда Божья живет во веки (Пс.118:140), и что она, без обинования поражая всех упорных и несраскаянных, может поразить и твое окаянство, если будешь нерадеть о себе и спать непробудно? Впрочем, как бы ты ни думала, душа грешная, но то несомненно, что чем более Господь долготерпит на грешнике, ожидая покаяния, тем более Он же и карает его за нераскаянность: или о богатстве благодати Его и кротости и долготерпении нерадиши, не ведый, яко благодать Божья на покаяние тя ведет: по жесткости, же твоей и непокаянному сердцу, собираши себе гнев в день гнева и откровения праведного суда Божьего (Рим.2:4,5). Встань же, встань, бедная душа моя, и ты увидишь, что всему конец приближается.

Да и что без конца здесь на земле и во времени? Не казались ли тебе слишком длинными и как бы нескончаемыми те молитвенные подвиги, кои, особенно ныне, святая Церковь предлагает тебе, чтобы возбудить дух твой к сокрушению о грехах? Правда, она давно уже зовет тебя ко храму святому, чтобы утреневать в нем и молить Жизнодавца, да отверзет и тебе двери покаяния. Давно уже слышатся в ней особенные чтения, особенные молитвы и особенные песнопения, чтобы смягчить твое окаменение и вызвать тебя из состояния бесчувствия. Вот, уже в другой раз, живописует она пред тобой и ветхозаветных праведников, в надежде, что и ты, по подражанию им, възыщешь Господа и будешь ходить по Его заповедям непорочно. В другой уже раз, воспоминает она и о нарочитых грешниках, из коих одни покаялись и спаслись, а другие остались в нераскаянии и погибли, – воспоминает с той же целью, чтобы, возбуждив в духе твоем раскаяние, спасти тебя от плачевной участи нераскаянных.

Но смотри, – все это не приближается ли к концу? Смотри, – из сорока дней поста^б, предшествующих страстям Христовым, и даемых нам на очищение от скверн греховных, сколько уже осталось? не девять ли только? Не оканчивается ли и чтение сего великого и трогательного, покаянного канона, – чтение, которое ты слышишь, быть может, в последний раз? Внемли же сему, грешник, и помни, что точно конец приближается и долготерпению Божьему и ожиданиям Церкви, и времени, определенному на покаяние, а может быть, и твоей нераскаянной жизни: конец приближается, и имаши смутиться.

Братия! Случалось ли кому из вас, в тяжкой болезни, быть близь гроба и встречаться с неумолимой смертью, так сказать, лицом к лицу?

Случалось ли ощущать ее хладное веяние и дыхание, и как бы видеть ту смертную сень, посреди коей должна проходить душа, разлучившись с телом? О, какое неизъяснимое смятение объемлет тогда умирающего? Какой безотчетный и безотрадный ужас нападает на него, даже и при тех благодатных ободрениях и напутствиях, коими святая вера ограждает и укрепляет дух его! Что же будет с тобой, душе моя, когда, ангел лютый явится к тебе в минуту сна, сколько крепкого, столько же и грешного, – явится так, что ты не успеешь и воздохнуть о своих согрешениях, а тем паче, исповедать их Господеви? Что будет, когда среди глубокого греховного усыпления найдет на тебя смертная пагуба (Прит.1:27), и ты пробудишься, но не для того, чтобы ободрить себя надеждой иной, лучшей жизни со Христом, а для того только, чтобы среди судорожных стонов и воплей отчаяния, видеть разверзающихся челюсти ада и предвкусить, еще на земли и в теле, всю лютость мук геенских? Увы, бедная и грешная душа моя! Тогда не смятение только обнимет тебя, но невыразимо мучительный трепет, смертельное оцепенение и адский зубной скрежет.

Представь же, что эта страшная минута тебя уже застигла, и лютая смерть со всеми ужасами тьмы кромешной уже зияет, чтобы поглотить тебя; представь и подумай, чего бы ты не сделала, чтобы спастись от огня геенского и возвратить то время, когда блаженное покаяние было для тебя еще возможно и когда двери милосердия Божьего были пред тобою еще отверзсты?

Но, благословен во веки Бог и Отец щедрот! Благословенна сила заслуг Христовых пред лицом вечной правды! Братия! Возблагодарим Господа и возблагодарим пред Его безмерной милостью. Его благодатный зов ко спасению каждого из нас еще продолжается, и дверь небесной благостыни, милующей грешников кающихся, еще не заключена пред нами. Встрепенись же и ободрись, обумершая душа моя, воспользуйся небесной милостью и встань немедленно. Сам Господь при дверях сердца твоего; Сам Он стучит в них, чтобы разбудить тебя и оживить: воспрями убо.

Знаю, что тебе не легко раздаваться со сладкими мечтами сновидения. Знаю, что эти мечты тебя обаевают, и манят твое легкомыслие в рай сладости: но берегись подобных обольщений и будь осторожна. Это те же адские козни и наветы, коими змий-обольститель погубил и прародителей наших. Беги от них скорее и решительнее: воспрями убо. Разорви вдруг все оковы, связующие тебя с миром прелюбодейным и грешным, перемени тотчас твое легкомысленное поведение и оставь все греховные наклонности и привычки: воспрями убо. Откажись немедленно от обдержавших тебя

привязанностей и наслаждений; останови в сердце своем ток любострастных помыслов и стремлений и, необинуясь, распни искушающие тебя похоть плоти, похоть очес и гордость житейскую (1Ин.2:16), воспрями убо, да пощадит тя Христос.

Страшен и нестерпим гнев небесного прещения на грешников, но ты, душе моя, не бойся сего, когда думаешь обратиться ко Господу. Христос, – Спаситель твой, пощадит тебя! Он и ныне кроток и смирен сердцем, как и всегда; и ныне призывает к Себе всех труждающихся и обремененных, грехами, чтобы облегчить их бремя, успокоить дух, спасти душу (Мф.11:28, 29). Пусть будут мрачны и багряны грехи твои, пусть будут они кровавы и срамны; но если ты веруешь во Христа Сына Божьего и, раскаиваясь в своих прегрешениях, сокрушаешься, плачешь и молишься к Нему: то и тебе, как грешнице Евангельской, оставятся все твои согрешения, как бы они тяжки ни были. Не для того ли Сын Божий и приходил в мир, не для того ли и страдал, проливая кровь свою на кресте, чтобы все грехи твои, от нечистого помысла до Христоубийства, омыть и очистить своей божественной кровью: и пощадит тя Христос Бог, везде сый и вся исполняяй.

Дерзай убо, бедная душа моя, и укрепляй себя упованием на безмерную благодать Христа, твоего Спасителя! Ты Его не зришь; Его разделяет от тебя неизмеримое пространство; однако же, восседая на престоле неба со Отцем и Духом. Он и на земле присущ всюду, как Бог неописанный ни временем, ни местом. Ты не зришь Его; но Его владычество и слава, Его сила и благодать – всюду в поднебесной, а тем паче в Церкви святой, которую Сам же Он создал и возглавляет. Ты не зришь Его и не слышишь; а Он видит тебя, и слышит твое исповедание, приемлет твои стенания и слезы, и, разрешая рукой иерея грехи твои, дарует тебе оправдание и вечный живот.

Такова, братия, песнь покаянная, которую вы сейчас услышите из уст поющих! Напечатлеем ее в умах и сердцах наших: отзовемся на нее умиленной душой; поспешим восстать от сна греховного; ободримся и обратимся ко Господу в посте, плаче и сокрушении о своих неправдах! Христос Бог, все содержащий глаголом силы своея (Евр.1:3) и все наполняющей присутствием Божества своего, не отринет нас, но примет, помилует и спасет, яко благ и человеколюбец. Аминь.

Слово, говоренное в Туркестанском кафедральном соборе, в пятую неделю святой четыредсятницы, на утреннем богослужении, в 1874 году

Дивен Бог во святых своих
(Пс.67:36)

При чтении великого, покаянного канона, предлагавшегося, здесь, вниманию вашему, в четверток на прошедшей седмице, в конце каждой песни канона, возносимы были в молитвенном пении, два богопрославленных имени: преподобного Андрея и преподобной Марии.

Преподобный Андрей, как известно, был иеросолимит и более половины жизни своей провел в дебрях иерусалимских, в среде самых строгих и безысходных пустынников. Затем, в сане архидиакона присутствовал в Константинополе, на шестом вселенском соборе, и наконец, был епископом на острове Крите. Церковь Христова узаконила обращаться, при чтении канона к молитвам преподобного потому, что он, как подвижник великий, особенно просиял на поприще покаяния, постом, бдением и молитвою. Но она же – св. Церковь – еще более чтить угодника Божьего и молится ему за то, что он, как богомудрый святитель, составил и написал и самый канон сей, неотложно и неоднократно читаемый каждую святую четыредсятницу. Но кто была Мария, которая при чтенья сего же покаянного канона, одна из всего богоблаженного лика жен преподобных, призывается, как молитвенница о нашем спасении?

В настоящий день святая Церковь совершает празднственную память Марии, и чествует ее в своих песнопениях, как «всесветлую звезду и преславную невесту Христову».⁷ Ублажим и мы преподобную и приведем несколько черт из ее жизни, чтобы видеть, как, с одной стороны, дивны и непостижимы, а с другой, – как премудры и назидательны пути благодати, коими милосердие Божье ведет ко спасению своих избранных.

Преподобная Мария, о коей говорим, называется египетской, потому что она родилась в Египте, близ Александрии. Родители ее были христиане и, конечно, старались дать ей воспитание по духу святой веры. Но Мария, обладая живой и восприимчивой природой, с ранних лет обнаруживала дух стремления к свободе, и не внимала родительским внушениям, а достигнув более зрелого возраста, и совсем оставила дом отчий. Переселившись в Александрию, и увидев себя на свободе полной и безграничной, Мария тотчас же, всем существом своим, ринулась в бездну

греха. Увлечение ее духом мира прелюбодейного не имело, по-видимому, пределом, и юная поселянка скоро приобрела известность и сделалась грешницей не только великой, но и народной. Так протекло немало времени с той минуты, как Мария поселилась в Александрии, и ей было уже около тридцати лет: однако же, она не преставала, с возрастающей необузданностью, предаваться всем возможным плотским наслаждениям. Лютая, греховная проказа, казалось, проникла и острупила всю душу грешницы. Но Нехотящий смерти ни грешников, ни грешниц, не оставлял Марии своим благим промыслом и тогда, когда она, нисходя в глубину зол, ясно начинала нерадет о своем спасении.

Однажды Мария пришла, по обыкновению, в порт Александрийский. Там нагружалось много кораблей, имевших в скором времени отойти к берегам Сирии и Палестины. Вдруг блеснула в ней мысль ехать на восток и видеть Иерусалим. Нельзя сказать положительно, что именно лежало в основе этой мысли: мимолетное ли чувство благочестия, вспыхивающее иногда и в грешниках, или минутное увлечение грешницы, прилогом искусителя, представлявшего ей святой град новым поприщем новых греховных наслаждений. Или же, вернее, все это было не иное что, как благодатное предначатие того пути, по коему предуведение, премудрость и благость Божья, имели вести грешницу на спасение (Рим.2:4). Как бы то ни было, но решительная Мария отправилась в Палестину и прибыла в святой град незадолго пред праздником Воздвижения креста Христова.

Настал праздник. В иерусалимском храме, что при гробе Господнем, совершалось богослужение. Мария проходила мимо храма и слышала пение. Естественное любопытство понудило ее взглянуть, что там делается. И вот, Мария, вступив в притвор храма, хотела уже вместе с другими войти и в самый храм. Но едва лишь подошла она к порогу, как вдруг, к невидимому ужасу, ощутила, что какая-то незримая сила, как бы, отторгала ее и отрывала от входа во святилище. Совесть пробудилась в грешнице; послышался внутренний голос, укорявший ее в незаконной жизни и явственно говоривший, что преградой для входа во святилище служат ей ее тяжкие грехи. Грешница затрепетала; но тут же почувствовала, что не на горшее падение, а на восстание, вещал ей тайный голос, и что в этом вещании не столько было устрашающего прещения, сколько спасительного призыва ко вступлению на путь Господень. Марья ободрилась и, подойдя к иконе Богоматери, висевшей на стене в притворе, тотчас поверглась пред ликом Пречистой, и тут же с горькими слезами дала не обет только, но и клятву, заглавить свою распутную жизнь пустынными подвигами покаяния. Святой обет услышан и принят;

грешница входит во храм, покланяется древу крестному, и на другой же день отправляется на Иордан, а на Иордане, достигнув обители св. Предтечи, приобщается св. таин, берет благословение у старцев, переходить реку, и в глубине пустыней иорданских скрывается бесследно.

Прошло много лет. В названном монастыре Предтечи поселился один освященный старец, по имени Зосима. Следуя правилу своей обители, Зосима каждую четырехдесятницу удалялся за Иордан, в пустыни Аравийские, в видах бóльшего очищения своей совести усугубленными подвигами бдения смиренномудрия, поста и молитвы. Этот-то старец, скитаясь по за-ирданским дебрям, стоял однажды на молитве и, стремясь духом к высшим подвигам самоумерщвления, просил Бога даровать ему сугубую благодать, а вместе с тем показать на земле и образец евангельского совершенства. Вдруг мелькнуло пред ним в отдалении что-то похожее на скелет человека нагого, совершенно иссохшего и опаленного от зноя солнечного. Надобно заметить, что пустынноничество и скитальческая жизнь среди диких гор, были тогда в обычае христиан иерусалимских. Исхудававшие отшельники, блуждая по пустыням, как тени, в рубищах и полунагие, хотя и очень редко, но встречались друг с другом, так что эти встречи не выходили из круга явлений обыкновенных. Преподобный, думая, что в мелькнувшем пред ним подобии человеческом, видит он одного из таковых отшельников, устремился в бегущему призраку, умоляя его остановиться и дать свое благословение. Бегущее, пробежав на другую сторону высохшего потока, остановилось, и старец услышал человеческий голос: «остановись, авва Зосимо, и прежде всего, брось мне свою верхнюю одежду; я женщина». И эта дивная женщина была Мария.

Преподобный старец крайне изумлен был внешним видом отшельницы; но, когда он спросил ее: кто она и давно ли находится в таком самоумерщвлении: ответ Марии еще более изумил его. «Не испытуй, отче, прошедшей жизни моей», сказала Мария: «о ней страшно мне и вспомнить». Затем, кратко поведав старцу о своей юности в отцовском доме, об оставлении сего дома и о любогреховной жизни в Александрии, о приезде в Иерусалиме о последовавшем там обращении, присовокупила: «Я уже давно здесь, и первые семнадцать лет провела в непрерывной борьбе, то с внешними нуждами в необходимых, жизненных потребностях, то с внутренними помыслами и страстями. Живя в мире, и предаваясь всем чувственным наслаждениям, я не знала меры ни в пище, ни в питии, и даже упивалась вином; здесь же, лишенная насущного хлеба, я почасту не находила и капли воды для утоления палившей меня жажды, а

зимний холод и летний зной повергали меня в лютые недуги. Истощение сил нередко доходило до замирания, и я по несколько часов лежала, как труп бездыханный. Но все лишения и скорби телесные были почти ничто в сравнении с страданиями душевными. Прежние вожделения плоти, действием сил темных, как пламень адский, возгорались во мне и пожирали мою внутренность. Я неистово бегала между горами, как безумная, падала ниц, билась о землю, и с сильным воплем и слезами взывала ко Христу Спасителю, да простить мне мои грехи и ослабит страдания. Наконец, благой Господь внял молитве грешницы. И вот, уже тридцать лет, как благодать Божья приосенила меня, водворила отрадный мир и тишину в моем духе и теле. Но я чувствую, что конец жизни моей близок; силы мои со дня на день слабеют, и скудельная храмина плоти моей видимо распадается. Молю тебя, отче, исполни единственное желание сердца моего. Я не приобщалась таин Христовых с того времени, как перешла Иордан. На следующий год, выйди на берег реки, со святыми дарами в великий четверток, и ожидай меня по ту ее сторону, а теперь прощай и молись о грешнице».

По прошествии года, в названный день, старец Зосима сидел уже на берегу Иордана, держа при персях св. тайны, я думал, где-то и как перейдет, чрез бурные, разлившиеся воды, дивная пустыньница. Отшельница не заставила ждать себя долго. Она явилась на другой стороне, и осенив крестом себя и быстрые струи реки чудодейной, смелой стопой пошла по ее поверхности. Видя это, затрепетавший Зосима, в благоговейном ужасе пал на землю. «Священник Бога вышнего», воскликнула Марья, «не унижай держимой тобой святыни таким смирением пред грешницей», и затем, подойдя к трепещущему старцу, сама поверглась пред святыми божественными тайнами, и, приобщившись их в невыразимом веселии духа, еще раз обратилась к Зосиме, и сказала: «в этот же день будущего года, приди опять на то место, где ты меня видел в прошлом году; такова воля Божья».

Сказав это, Марья вновь, таким же образом, перешла по водам и скрылась в пустыне. Благоговейное изумление еще глубже проникло в душу смиренного старца. Так-то, думал он, вперив взор в сумрачную даль об он пол Иордана, – так-то разнообразны действия непостижимой благодати, не только дивно спасающей избранных Божьих, но не менее дивно и облакающей их особенной силой, – силой чудодействий. И эта сила, проявляясь в них еще до совлечения ими брэнного тела, служить залогом и, как бы, отблеском той славы вселенной, которая вполне имеет просиять в них по воскресении. Подлинно, дивен Бог во святых своих,

твердил он про себя, медленной стопой приближаясь к обители, и по временам крестясь и вздыхая.

Чем же все это кончилось? Приходил ли престарелый Зосима на место, указанное Марией, и что́ затем последовало с самой Марией? Да, братия! После того, что вами здесь было слышимо о святой подвижнице ответы на эти вопросы не для некоторых только, но, более или менее, и для всех нас могут и должны быть занимательны и поучительны. Но я опасаясь, чтобы не утомить нашего внимания, и потому, прерывая здесь свое слово, надеюсь поведать вам о конце жизни Преподобной, в богослужение следующее. Аминь.

Слово, говоренное в Туркестанском кафедральном соборе в пятую неделю святой четьиредесятницы, на литургии в том же году

Дивен Бог во святых своих
(Пс.67:37)

В предыдущее собрание мы остановились на том, что преподобная Мария, приобщившись св. таин, просила старца Зосиму – и он обещал – прийти, в следующий год, на то место, где он видел ее в первый раз. Год прошел. Верный своему слову Зосима идет в Аравийские пустыни, и там, близ знакомого ему потока, ищет взором пустыницу, но ее нигде не было; между тем, на пустынном песке лежало какое-то тело. Затрепетавший старец скоро узнал, что это за тело, и с горькими слезами припал к ногам усопшей, недоумевая, что сделать с ее останками. Но среди недоумения, обращается к возглавию, и там на песке видит какие-то начертанные слова. Прочитав их, плачущий старец понял, что Мария умерла не недавно, а уже год тому, и в ту самую ночь страстей Христовых, пред коей приобщалась св. таин, и что тело ее тут же, где лежало, должно быть и погребено. Воздав славу Богу, благоговейный пустынный воздал последний долг и святым мощам Преподобной.

Воздадим и мы, брат, славу Богу, толико дивному во святых своих. Воздадим подобающую похвалу и досточудной Марии, и извлечем из ее дивной жизни посильное назидание.

Мария долго была великой грешницей, долго влялась она, по смрадным волнам мира тлетворного, утопая в безграничном распутстве и сладостях житейских. Когда же, в себе пришедши (Лк.15:17), восстенала ко Господу, Господь не отринул ее воплей. Благоутробный и Многомилостивый внял трепету сердца ее, когда оно впервые содрогнулось, ужаснувшись своего окаянства; ободрил дух ее невидимым действием благодати; принял от нее раскаяние, сопровождаемое сокрушением, слезами и решимостью не возвращаться к жизни богопротивной, и таким образом помиловал грешницу, оставил ей все грехи, и вписал имя ее в книгу живота.

Внемлите сему, кающиеся грешники и грешницы, и ободритесь. Как ни велики ваши грехи, как ни срамны ваши падения, но когда вы, раскаиваясь в них, приступаете к алтарю Господню, чтобы в духе самоосуждения, открыть, пред св. крестом и Евангелием, ваше сердце,

вашу душу, вашу жизнь: то и вас не отринет Он – Милосердый. Помните, Христос есть умилоостивительная жертва за грехи всего мира (1Ин.2:2). Его кровь, пролитая на кресте, очищает всех нас от всякого греха (1Ин.1:7), а Его любовь и долготерпение не только ожидают и зовут, но и влекут меня, вас и всех ко спасению и к жизни вечной (Рим.2:4). Только не медлите, не медлите, возлюбленная братия, вашим раскаянием и обращением ко Господу. Злоковарный враг не дремлет: он легко может запнуть вам в святом деле и лишит вас части спасаемых.

Что беспредельное милосердие Божье никогда не отвергает грешников кающихся, это истонный человекоубийца всегда знал и знает, а потому и старается, всей силой адских ухищрений и всеми обольщениями мира лукавого, запинать и препятствовать в покаянии и обращении ко Господу, всем, кои живут богопротивно, пытаясь возбудить в них, если не прямо дух нераскаянности, то дух нерешительности и коснения, дух бездетности и нерадения, а наконец и дух горького отчаяния и ожесточения сердца их. И вот та мрежа всегубительства, коей дух злобы, так неотразимо увлекает в бездну ада, не одних лишь неискусных в вере и младенцев о Христе (1Кор.3:1), но и мнящихся стоять и глаголющихся быть мудрыми (1Кор.10:12; Рим.1:22).

Увы! Во всяком случае, крайне достоплачевна участь тех, кои, поддаваясь адским обаяниям, не брегут о своем спасении и не спешат к подножию креста Христова, чтобы, оплавав свои неправды, освободиться от уз греховных. Уже говорено было, но и еще повторю, что чем мы долее испытываем на себе действие долготерпения Божьего, и чем сознательнее противимся небесной благодати, ведущей нас на покаяние (Рим.2:4), тем неизбежнее можем заключить для себя дверь милосердия Божьего, и лишиться навсегда благодати заслуги Христовых. А говорит ли о том, что Бог поругаем не бывает (Гал.6:7), и что день Господень, застигающий многих яко тать в ноци (1Сол.5:2), наипаче карает упорных и нераскаянных? О, если кого нещадно губить ангел лютый, то тех особенно, кои, хладнокровно нисходя во глубину зол, сознательно и с презорством закосневают в жизни богопротивной. Их-то, как готовые жертвы заколения, по преимуществу, поражает он конечным всегубительством, и поражает в то самое время, когда они, считая себя вполне свободными от всех страхов и напастей, готовы возглашать пред всеми: мир и безопасность (1Сол.5:3), а к душе своей уже и возглашают: душе, имаши многа блага, лежаща на лета многа: почивай, яждь, пей, веселися (Лк.12:19).

Что же, братия? Продолжим ли и за сим греховную дремоту и

бесчувствие? Да не будет! Святая Церковь для того и ублажает, в песнопениях нынешнего дня, святую Марию, чтобы ее раскаянием и самоотвержением подвигнуть нас к неотложному обращению ко Господу. Итак, следуя примеру преподобной, воспрянем и мы от сна греховного, взываем Господа, Спасителя нашего, припадем к Нему в слезах и сокрушении сердца, и, исповедуя пред Ним все наши грехи, воодушевимся твердой решимостью, не только озираться вспять, на прежние срамоты и безобразия, не только не повторять прежних неправд и беззаконий, но всемирно избегать и самых поводов к тому, – самых прилогов вражеских, навевающих на душу нечистыми помыслами и злыми вождениями. Когда же, таким образом, изменится от душ наших прежнее зло и лукавство; когда мы, омывшись и возродившись в слезной бане покаяния, дадим снова обет Господу, ходить пред Ним, до конца жизни, в духе правды и святости: тогда и нас, Он – предустановленный от века Искупитель и Судья вселенной (Деян.17:31), примет благоутробно, очистит от всех грехов и беззаконий, впишет в книгу спасаемых и причтет к сожителям святым и присным Богу (Еф.2:19).

Но Мария, с твердостью решившись оставить путь греха и заблуждений, сим не ограничилась. Вступив на стезю евангельскую, она потекла по ней с такой неустрашимостью, что никакие силы, ни видимые, ни невидимые, не могли поколебать ее в святых намерениях, а тем паче уклонить сердца ее, во след оставленных ею мирских похотей. И вот, почти полвека проводит она в пустыне, без обычной человеческой пищи, без одежды, без жилища, – проводит на голой земле, под одним лишь небом и в среде зверей. Не правда ли, что это – подвиг изумительный? Но присовокупите к сему, что плотские страсти и вождения, бушевавшие в пылком сердце Марии, когда она жила еще в мире, не оставляли ее и в пустыне. Раздражаясь, подобно гаваонитам, самым умерщвлением их, они возникали и возгорались в ней сами собой, и долгое время, пламеня во удах ее, томили ее и как бы сожигали муками адскими. Семнадцать лет неистовствуя в ее греховной плоти, они непрерывно восставали на дух ее, и боролись с ним на смерть и живот. Но Мария не изменила своим обетам. Ее потоки слез, ее молитвенные вопли, ее терпение и мужество в перенесении всех зол и напастей, привлекли к ней небесную помощь, и бедная женщина – этот сосуд немощнейший (1Пет.3:7), женщина одинокая, слабая и во всем нам подобострастная, вступив в адскую борьбу, и с кем же?... – не с подобным себе слабым человеком, а с миродержителем тьмы века сего и несметными полчищами дружины его (Еф.6:12), – торжествует победу.

Братия! Такая твердость духа Марии и сила воли ее в деле спасения, не побуждают ли и нас содевать свое спасение, мало, что со страхом и трепетом (Фил.2:12), но и с твердостью и самоотвержением? То есть, когда мы, раскаиваясь в своих окаянствах, заявляем пред нашим Спасителем твердую решимость, оставить жизнь плотскую и греховную, и повторяем пред Ним обет, жить свято и богоугодно: то не лежит ли и на нас долг выполнять этот обет до конца жизни, – выполнять неустрашимо и с самоотвержением?

Знаю, что наша, неукрепившаяся еще в духе возрождения, природа немощна в творении правды Божьей и в следовании за Христом; знаю, что это духовное бессилие служит нам чем-то в роде оплота, за который наш греховный ветхий человек привык укрываться; но все это несколько не освобождает нас от точного выполнения даемых нами обещаний. Вспомните, и Мария была естества не ангельского; и она носила плоть такую же, как и мы, – плоть брнную и немощную в борьбе с искушениями, плоть чувственную, страстную и животолюбивую, плоть, уклоняющуюся от ига Христова и всегда готовую враждовать на дух и на все святое. Но отступала ли она пред теми трудностями, кои ей предлежали в борьбе с плотью? Страшилась ли она наступить на жестоковыйность этой плоти всей крепостью воли своей, чтобы, с одной стороны, укротить ее восстания, умертвить земные уды (Кол.3:5), и распять все ее страсти и похоти (Гал.5:24), а с другой, очистить дух бденным трудом и смирением, укрепить его молитвой и возвысить до общения с Ангелами? Нет, возлюбленная братия! Мария не утратилась бранного подвига со всем, что враждовало с нею и в ней, а напротив, воюя с полным самоотвержением, под хоругвию креста Христова, перенесла и вытерпела все возможные лишения и страдания, и вышла из кровавой борьбы с венцом победным.

Что же препятствует и нам следовать примеру Марии, если и для нас также дороги и вожделенны наше спасение и блаженная жизнь в небе? Не скажете ли, что Мария была так крепка и неодолима не своей силой, но силой Божьей? Не скажете ли, что совершенный ею дивный подвиг принадлежит не ей, не ее немощам, а силе Христовой, вселившейся в нее и действовавшей в ней верою (Еф.3:17)? Но, если это и так, то что из сего следует? Не то ли, что если Марии, в борьбе ее с врагами спасения, ниспосылаема была, по ее вере и молитве, всякая благодатная помощь Божья, укреплявшая подвижницу на одоление и своей плоти, враждовавшей на дух, и всех духов злобы поднебесных: то та же всесильная помощь Божья и в том же св. подвиге, разве не может быть

подана и каждому из нас, по мере нашей веры, упования и молитве к милосердому Спасителю, который и вчера и днесь, той же и во веки (Евр.13:8)? Да и не ко всем ли нам относятся слова св. Павла, побуждающие каждого из верующих со дерзновением приступить к престолу благодати, для испрошения милости Божьей и благодати во благовременну помощь (Евр.4:16)? А если ко всем: то конечно и для нас, братия, везде и всегда отверзста сокровищница даров благодатных, приобретенных крестом Спасителя для всех крестоносцев; и для нас готова она износить все возможные оружия воинствования нашего, оружия не плотские, но сильные Богом на разорение всех замыслов врагов внешних и внутренних (2Кор.10:4).

Итак, мужайся, брат мой во Христе, кающийся грешник, мужайся и иди смело по следам Марии. Адский змий не замедлит напасть на тебя, чтобы уязвлять тебя не в одну пятю, но и в грудь и голову; но ты не бойся сего. Тебя будет охранять та же непреоборимая сила заслуг Христовых, которая охраняла и Марию. Христос Спаситель твой, поражая невидимого дракона в самую голову, не попустит тебе искушиться паче, еже можеша (1Кор.10:13). А если бы Его благодать и премудрость и нашли нужным усилить для тебя испытание и разжечь горнило искушения, в видах, скорее выжечь греховную ржавчину в твоём возраждающемся сердце: то и опять не унывай, и не изнемогай, но, как добрый воин Христов (2Тим.2:3), отражай все разжженные стрелы лукавого, то постом, бдением и молитвой, то слезами и воздыханиями, – то сокрушением духа и печалью яже по Бозе (2Кор.7:10), – не унывай тем паче, что ты не один и не без помощи свыше.

Помни, новый ратоборец Христов, что все небо и все Ангелы будут взирать на тебя, не только как свидетели твоих подвигов и борьбы с врагами, но и как присные поборники, и споспешники твои в деле спасения (Евр.1:12). А сам Господь, сокрушай брани, Сам всемогущий Помощник твой и Покровитель (Исх.15:2,3), с каким любвеобилием прострет к тебе свою десницу, чтобы из скорбной тесноты берения извести навсегда дух твой на широту дней, и исполнить его спокойствием, и миром непрестающим. И вот, тогда и для тебя, возлюбленный, наступит то блаженное время, когда ни один из врагов твоих уже не приложит тебя озлобить (Пс.88:23); тогда-то, за молитвами Преподобной, и ты прочее время жизни твоей, потечешь к небесному Ханаану, под облачным осенением благодати и в лучезарном свете лица Божьего.

А что сказать о той минуте, когда, наконец, откроется пред тобой Иерусалим горный; когда, оставив землю, и ты, подобно святой Марии,

воспаришь к этому граду Божьему и войдешь в него? О, тогда и тебе дано будет вселиться посреди Херувимов и Серафимов, и с новым именем в белых ризах (Апок.3:5, 12) и в сиянии света невечернего, приобщиться к сонмам богопрославленных, чтобы купно с ними воспевать Триипостасному непрестающие хвалы и благодарения и возносить к Нему вечно-радостное аллилуия. Аминь.

Слово на день коронавания Благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича

Дни на дни Царевы приложити: лета его до рода и рода. Это – молитвенные слова Давида (Пс.60:7)

Царю Давиду, как Царю – тайноведцу, конечно, известна была тайна благоденствия народного. И вот, он – благопросвещенный Царь и Пророк одушевляясь святыми надеждами и желаниями более упрочить и утвердить юное царство Израилево, молится, между прочим, о том, чтобы благий Зиждитель мира и всех царств человеческих, не преставая являть ему свое спасение, исполнил его жизнь долготой дней (Пс.90:16), и продлить ему царствование в род и род, – молится, чтобы, с одной стороны, вернее выполнить – ему все святые обеты Господеви, а с другой, – осуществить все благие намерения, относительно самого царства, и вознести рог людей стать (Пс.140:14): дни на дни Царевы приложиши: лета его до дней рода и рода.

Но не тем ли более самое царство, уже утвержденное и возвеличенное, долженствует молиться о приложении дней Царевых, когда Царь богومудрый не престаёт, по внушению свыше, более и более утверждать его и возвеличивать, во всех проявлениях его многовековой жизни? Не тем ли более мы, благоденствующее подданные, обязаны возносить молитвы пред Господом о продолжении лет в роды и роды нашего державного Преобразователя и Воссоздателя судеб царства Русского?

Сыны богоспасаемые России! Мы торжественно воспоминаем ныне священное помазание на царство Монарха нашего, Благочестивейшего Государя Императора, Александра Николаевича. О, сколько для нас причин молиться, особенно ныне, о приложении Ему дней на дни и лет на лета! Сколько побуждений возносит о Нем к Царю царей не молитвы только и моления, но и хвалы и благодарения, наипаче в сей день Царев, когда Вышний за 18 лет пред сим помазав Его святым таинственным елеем, освятил и исполнил сердце Его дарами благодати, и таким образом запечатлел Его той небесной премудростью, коей одной цари царствуют, и сильные пишут правду (Прит.8:15)?

Господи! Дни на дни цареви приложиши: лета его до дне рода и рода.

Да и за кого же, прежде и паче всего, молиться царству благоденствующему, как не за Царя благодеющего, когда, по намерению Божьему, благоденствие царства зиждется Царем богоправимым?

Не для того ли Царь богоизбранный и боговенчаный – не для того ли и выделяется из среды людской и помазуется елеем радости (Пс.44:8), чтобы, при содействии сугубой благодатной силы Божьей, созидать и утверждать, сколько возможно, везде и для всех, благоденственное, тихое и безмолвное житие во всяком благочестии и чистоте (1Тим.2:2)? И вот, Его мудрость и благочестие, проявляющиеся в законодательстве, Его правда и милость, открывающиеся в творении суда, чем более осияются небесным светом, тем вернее служат залогом народного мира и тишины, довольства и безмятежия. Богомудрие и правосудие в Царе, – это суть две богодержавные ветви Его царственного жезла, – ветви, из коих сплетается венец всенародного благоденствия.

И действительно, где есть мудрые законы, проникнутые духом Христовым, а не духом страстей и произвола людского, там и богатство процветает, и бедность поддерживается и облегчается, и здравие благоденствует, и немощь находит сочувственную помощь и опору; там и ум, не взимала на разум Божий (2Кор.10:5), преспевает в познании св. истины, и воля совершенствуется в делании добра; там, и искусства возрождаются, и художества произникают, и промышленность расширяется, и торговля возрастает. Словом: где есть мудрые законы, там не только выгоды и удобства, но и самые нужды подданных взвешиваются и измеряются, дабы чрез взаимное и непогрешительное соразмерение одних с другими, вернее распределить первые и удовлетворить последним.

Но как, из среды людской, и при самом мудром законодательстве могут возникать и действительно возникают те лукавующие продерзатели, кои, по Апостолу, нерадя о господстве (2Пет.2:10), и глумясь над святостью законов, ни во что ставят нарушать их, в ущерб общественного благоденствия: то само собой следует, что для таковых нарушителей законов, достойно и праведно предлежит праведный суд Царев. Таким образом, неотрожденное своеволие в каких бы видах упорства и противления власти ни проявлялось: оно всегда будет встречать не только задержку своим порочным стремлениям, но и прещение и обуздание в разных видах предостережений и наказаний, определяемых правами царским и Божеским.

И это – то есть та правда Царева, которая, воодушевляясь св. ревностью, с одной стороны предупредить нарушение законов вечной

правды, а с другой, – поддержать и усилить расположение к выполнению их не по букве только, но и по духу, создает всем должная: ему же убо страх, страх; и ему же честь, честь (Рим.13:7).

Да, возлюбленная братия, правда Царева, преследуя и наказуя в строптивых и ожесточенных, всяк грех и неправду, в тоже время ободряет дарами своей благостыни и всякий видь благоделания в достойных и благопокорливых. Правда Царева торжественно увенчивает высокую доблесть, прославляет мужество и самоотвержение, украшает отличиями разумное трудолюбие и промышленность, награждает и возвышает истинную науку и просвещение, и таким образом, словом и делом, поддерживает и поощряет всякое стремление ко всему полезному, доброму и святому. Но она же – правда Царева, – так охотно воздавая благим и добрым по мере заслуг каждого, и так милостиво снисходя к человеческой немощи, нисколько не запинается и в грозных прещениях и казнях. Она не обинуясь подвергает всем родам наказания намеренный грех и порок, карает ожесточенное злодеяние, и даже потребляет от земли живых открытое кощунство, богоборство и безумную крамолу, соединенную с святотатственным покушением на самую правду Цареву и Божью. Понятно, что такими мерами вразумления и наказания строптивых и исторжения из сообщества – ожесточенных, как вредных плевелов из среды пшеницы, с одной стороны, отъемлются у тех и других средства к большому вреду себе и другим, а с другой, – верным сынам отечества, преданным воле Монаршей и воле Божьей, предоставляются большие удобства наслаждаться благоденствием под царственною сенью мира и тишины.

Таким-то образом Царь премудр, озаряемый свыше в уразумении суда и законов, составляет, по учению Писания, крепкий оплот и утверждение людям (Прем.6:26). Таким-то образом чрез Него, как чрез живой и богосвященный орган, устрояется и возвышается временная судьба верноподданных, и вместе с тем, указываются для них и те многоразличные стези, кои каждого из нас, могут возвысить над юдолюю жизни временной, служащей только приготовлением к жизни обетованной, нескончаемой и вполне достойной существ богоподобных, – возвысить и преселить на небо, в мир духов приведник соверных (Евр.7:23), дабы там, пред лицом славы Бога присносущного и присноблаженного, вкушать присно неизреченную сладость райских наслаждений.

Но, коснувшись неба и вечности, мы не можем не пояснить, что посредственное водительство христианскими Монархами своих

подданных к небу, – водительство чрез водворение на земли благоденственной жизни не есть единственное. Богоосвященный, христианский Царь, как порфиноносный первенец Церкви Христовой и присный ее поборник, ведет ко спасению людей своих, и непосредственно, своим высоким царским примером и своим верховным наблюдением за всем и за всеми, иже во власти суть (1Тим.2:2).

Кому из нас неизвестно, братия, что наши православные и богопомазаные Цари, будучи первородными сынами Церкви, первее всего, сами с благоговением приемлют от нее и св. таинства веры и слово истины и благодать спасения; сами хранят его уставы, и до лица земли поклоняясь триипостасному Божеству в духе веры и святости, знаменуются и крестом Христовым, и не только знаменуются им благоговейно, но и лобызают его благочестно, как оружие силы и победы, мира и спасения? А такое настроение духа, такое боголепие высоких евангельских добродетелей, проявляясь в верховных Повелителях, могут ли не оказать самых благотворных и спасительных действий на массы народные? О, как сильны и неотразимо увлекательны для подданных вера и благочестие, сияющие из-под багряницы Царей народолюбивых! И это понять не трудно. Кто не знает, что такова наша природа, что все мы не только хотим, но и любим всегда во всем подражать тем, коих обыкли чтить и уважать, и коих жизненный жребий самым Промыслом возвышен над нашей судьбой?

А говорить ли о других делах, коими наши благоверные и благочестивые Государи также непосредственно и прямо предрасполагают своих подданных к стяжанию благ вечных? Говорить ли о том, что они непрерывно заботятся о благоденствии Церкви Христовой, о расширении ее пределов среди народов язычествующих, об ограждении ее внутреннего мира и тишины, об охранении ее православия и чистоты нравов чрез пресечение душевредных расколов, соблазнов и еретических мудрований? Говорить ли, наконец, о том громадном, историческом подвиге, коим ныне благополучно царствующий Благочестивейший Государь наш так славно увековечил свое высокое царственное служение во всемирном царстве Божьем? Говорит ли о Его невыразимо благодетельной реорганизации всего строя земли Русской, о Его улучшении не только законодательства и правосудия, но и всех других ветвей государственного управления, не исключая и самой Церкви относительно ее внешних уложений? Говорить ли о сем, когда, с одной стороны, нее это и без наших провозглашений для всех известно, а с другой, – и цель нашего слова состоит не в перечислении богоугодных подвигов Царевых, а в напоминании себе

самим, что если, когда, то особенно ныне, мы должны соединиться во един дух о Господе, чтобы одними устами и одним сердцем вознести к Нему моление о самодержавном Виновнике нашего благоденствия?

Не забывают, братия! Ныне миллионы восторженных сердец и колен преклоняются пред божественным величеством славы Триипостасного, с молением о вожденном Царе! Мы ли, движимые одним и тем же радостным чувством, не поревнуем им язычествующих, об ограждении ее внутреннего мира и тишины, об охранении ее православия и чистоты нравов чрез пресечение душевредных расколов, соблазнов и еретических мудрований? Говорить ли, наконец, о том громадном, историческом подвиге, коим ныне благополучно царствующий Благочестивейший Государь наш так славно увековечил свое высокое царственное служение во всемирном царстве Божьем? Говорит ли о Его невыразимо благодетельной реорганизации всего строя земли Русской, о Его улучшении не только законодательства и правосудия, но и всех других ветвей государственного управления, не исключая и самой Церкви относительно ее внешних уложений? Говорить ли о сем, когда, с одной стороны, нее это и без наших провозглашений для всех известно, а с другой, – и цель нашего слова состоит не в перечислении богоугодных подвигов Царевых, а в напоминании себе самим, что если когда, то особенно ныне, мы должны соединиться во един дух о Господе, чтобы одними устами и одним сердцем вознести к Нему моление о самодержавном Виновнике нашего благоденствия?

Не забывают, братия! Ныне миллионы восторженных сердец и колен преклоняются пред божественным величеством славы Триипостасного, с молением о вожденном Царе! Мы ли, движимые одним и тем же радостным чувством, не поревнуем им

Слово на освящение храма в г. Казалинске, во имя пресвятой Девы Богородицы, явления Ее иконы, именуемой Казанской, произнесенное 15 декабря 1874 года

И радость ваша никтоже возмет от вас
(Ин.16:22)

Не к вам, братия, сказаны Спасителем слова сии, но особенно живое настроение духа вашего, в настоящую минуту, даст приложить их и к вам. Не правда ли, что святое дело сооружения храма, так долго вас томившее, ныне, изволением Зиждителя всяческих, приведено к желаемому концу? А это есть такое явление в среде верующих, что истинные рабы Божии не могут не восторгаться радостью, сколько духовной и святой, столько же и неотъемлемой. Да, подобной радости ваша никтоже возмет от вас.

Но ведаете ли, возлюбленные, всю необъятность того блага, которое явил вам Господь, сподобив ныне не завершить только храм зиждемый, но и освятить его, по чину святой православной Церкви? Ведаете ли, что, чрез это освящение, вы привлекли на себя такое благоволение Божье и такую милость и благодать, что сам всемогущий Содетель всей твари, сам Обладающий небом и землей, сам Господь сил и Царь славы, благоволил, как бы, снизойти к вам, и открыть посреди вас свое особенное, благодатное присутствие, избрав для сего местом селения славы своей (Пс.25:8) этот новоосвященный храм? Какое же благо может быть выше и радостнее для нас земнородных, как не благодатная близость к нам Бога, Подателя всех благ земных и небесных?

Так-то милостив к вам Святой Вседержитель, чадца мои о Господе! Можно ли не благоговеть пред толиким богатством благодати Его и не благодарить Его присно не словом только, но и делом, – не одним устным благохвалением, но и ревностным исполнением тех обязанностей, кои возлагаются на вас самой близостью к вам храма, и кои состоят в том, чтобы всем вам посещать это благодатное жилище Божье, неленостно и как можно чаще, а затем и стоять в нем и молиться с должным благоговением и даже со страхом, подобающим месту святыни Господней?

Итак, первая из обязанностей, лежащих на вас, возлюбленные, относительно храма, есть неопустительное хождение к церковным богослужением. Да и кто сего не знает? Кому неизвестно, что святые

храмы для того и зиждуются, чтобы, под их кровом, всем нам собираться во имя Христово, если не всегда, то и не редко, – собираться на тот конец, чтобы все нарочитые дни освящать всенародными славословиями и молитвами ко Пресвятому? Храм, пред алтарем коего мы стоим в настоящую минуту, воздвигнут, в тех видах, чтобы заменить им храм, уже бывший здесь. Но что имели в виду христоролюбивые ктиторы, сооружая это новое святилище Божье, не только более боголепное, но и более обширное и для всех доступное и вместительное? Не то ли, чтобы доставить полную возможность приходить сюда, всем принадлежащим к сему храму, – приходить и старым и малым и немощным и крепким, – приходить и день и ночь, и вечерь и утро, словом: приходить сюда всем и каждому, сколько возможно чаще и во всякое время дня и года? Таким образом, нельзя не видеть, что самая цель построения сего храма, убеждает вас, братия, не только не оставлять церковных собраний, но и спешить пред лицо Божье, подобно псалмопевцу, – спешить с готовностью и радостью при одном напоминании о храме: возвеселихся, говорил он, о рекших мне: в дом Господень пойдем (Пс.41:5; 121:1).

Да и как нам, немощным и смертным, не учащать в святилище Божье? Кто не понимает и не видит, что мы каждую минуту, как бы, висим над бездной ничтожества, и что невидимая десница Всесотворшего Бога держит нас так, что Его благой волей, Его милосердием и щедротами все мы и живем и движемся и есмы (Деян.17:28). Как же и чем надежнее и вернее поддержать нам и продлить к себе безмерное благоутробие Отца всех тварей, дающего нам не одну лить жизнь и дыхание, но и вся яже к животу и благочестию (Деян.17:25; 2Пет.1:3), – как и тем, если не молитвой и молением пред благосердным Жизнодавцем и в Его же святом храме? А наши непрерывные труды и занятия, среди коих, более или менее, все мы проходим стихийное поприще жизни, не к тому ли же нас обязывают, если хотим видеть дела рук своих венчаемыми полным успехом? Кому неизвестно, что Виновник нашего благоделания и благоуспения, во всех трудах наших, есть тот же Отец светов, от коего, по мере наших молитв к Нему о помощи, исходит всяк дар совершен (Иак.1:17)? Кто не знает, что во всяком деле и делании, от Господа только, исправляются стопы человеку (Пс.36:23) по мере нашей веры в Его вседействующее благословение? Да и не Он ли, милосердый и долготерпеливый, и град хранит, всуе нами стрегомый, и дом блюдет, в безопасности коего сами зиждущие не всегда уверены (Пс.126:1)?

Но молиться, вы скажете, можно всегда и везде, и вне церкви, тем паче, что Господь наш Иисус Христос, освятив уединенную молитву своих

собственным примером, и нам заповедал молиться в затворенной клетки (Мф.6:6). Да, братия, все это правда. Молитва уединенная, по мере веры молящегося, неоспоримо привлекает на нас благой взор Отца небесного, а потому достойно и праведно возносится и должна возноситься ко Господу, на всяком месте владычества Его (Пс.102:22). Но дело в том, что эта молитва, где бы и когда бы она ни была возносима, никак не заменяет того моления, которое мы, в известные дни, должны творить во св. храме, при общенародных службах. А если это так, то понятно, что ни пример Спасителя, молившегося в уединении, ни прямая Его заповедь, чтобы и нам молиться также, не освобождают нас от святой обязанности, приходить в церковь, для совокупной молитвы, – не освобождают тем более, что сам же Господь и Спаситель наш, так часто молившийся наедине, отнюдь не считал сего вполне для себя достаточным, но во все субботы и праздники иудейские неотменно посещал, когда только можно было, и синагоги Галилейские и святилище Иерусалимское.

Святые Апостолы, доколе оставались в Иерусалиме поступали также. Молясь уединенно и по домам (Деян.2:46), – каждый о себе самом и о своих делах, они собирались по вся дни и для совокупной молитвы, как друг о друге, так и о том великом деле, которое предлежало каждому из них и было для всех их общим, – собирались и в Сионской горнице, служившей первообразом Церкви Христовой на земле, и в самом храме (Деян.1:13, 14; 2:46). И все это делали потому, что молитва об одном и том же, возносимая от многих уст и сердец, проникнутых взаимной братской любовью и единомыслием, доступнее к престолу благодати и приятнее для Бога любви и мира (2Кор.13:11), да и самих молящихся – такая молитва теснее соединяет союзом любви во имя Христово. Преблагой Господь всегда к нам милостив, и щедроты Его присно на всех делах Его (Пс.144:9): однако же, Отцом по преимуществу, Отцом, наиболее благосердным и милующим нас, является Он тогда лишь, когда мы, совокупляясь в одну святую семью, взываем к Нему, как бы одними устами: Отче наш!...

Вторая обязанность, лежащая на вас, братия, относительно храма, состоит в том, чтобы стоять в нем и молиться с подобающим благоговением и страхом Божьим. А чтобы вам яснее уразуметь и это, следует только вспомнить, для чего вы собираетесь под кров святилища Божьего? Не правда ли, что то самое дело, для коего вы сюда приходите, как бы, невольно и неотклонимо располагает дух ваш к смирению и покорности? Не правда ли, что вы приходите в храм, для того, чтобы творить в нем, по Апостолу, молитвы, моления, прошения и благодарения

(1Тим.2:1)? Но молитвы и прошения таковы по свойству своему, что мы, обращаясь с просьбами даже и к тем из среды нас самих, кои во всем нам равны и подобострастны, всегда более или менее, как бы, смиряемся пред ними и излагаем свои прошения почтительно и осторожно. А нужно и говорить о том, что чувства почтительности, уважения и покорности, сами собой и неудержимо возрастают в нас, еще живее дают себя видеть, когда мы прибегаем с нашими прошениями к высшим нас, и начальствующим над нами. О, кому не случалось видеть, с каким опасением и беспокойством, и стоят и говорят, смиренные просители, пред лицом высоких особ и умилолюбиваемых властей, боясь, чтобы в чем-либо не проговориться пред ними, а еще более, не огорчить их и не разгневать!

Но в храме мы имеем дело не с людьми, и кланяемся не земным властям и началам. В храме мы являемся пред лицом великого Бога богов и Господа господей, и высказываем свои желания и мольбы пред Зиждителем судеб, не наших только, но и всего мира. Какими же чувствами умиления, притрепетности, смиренномудрия и благоговейной преданности, должен быть объят дух наш, когда мы вступаем в молитвенное разглагольствие с Тем, пред лицом коего трепещут и Херувимы и Серафимы!

Святой Израилев, призирая некогда на приходивших в храм Иерусалимский, возглашал: на кого воззрю из тех, кои являются ко Мне и молятся в столпостенах дому Моего, – на кого воззрю милостиво и благосердно, чтобы излить на достойных щедроты Мои и от тука земли и от росы неба? – И затем Сам же, как бы ответствуя на свой вопрос, благоволил изречь: токмо на кромкого и молчаливого, и трепещущего словес Моих (Ис.66:2). То есть, Я буду, взирать оком благоутробия, как бы так вещал Вышний – буду взирать на тех только, кои, предстоя лицу Моему кротко, смиренно и с благоговейным безмолвием, возносят ко Мне свои моления не с верою только в силу словес Моих, но и с трепетом пред их непреложностью и святостью.

Так много требовалось от чтителей храма Иерусалимского, чтобы их мольбы были слышимы; но от нас, братия, молящихся в храме христианском, требуется еще более, – и более на столько, на сколько все, совершаемое в наших храмах выше, святее и досточтимее того, что совершалось и было слышимо и зримо в храме иудейском.

Церковь ветхозаветная утверждалась, как известно, на божественном откровении о спасении людей чрез Христа Господня. Но это откровение, как ни уяснялось в ней; однако же далеко не могло достигнуть той степени ясности и полноты, коей оно достигло в Церкви новозаветной. Тайна

царствия Христова, тайна искупления и спасения нашего, в Церкви подзаконной, при всем уяснении ее тайнозрителями, до самого пришествия в мир Спасителя, оставалась прикровенной и мерцала, как бы в сумраке сени и гаданий, так что почти все дело богослужения в храме иудейском, сосредоточиваясь в разных видах жертвоприношений, состояло или во всенародном покаянии, или в чтении пророчеств и обетований, или в закалании жертвенных животных.

Но у нас – Церкви новозаветной – совсем иное. Новозаветная Церковь, имела утешение видеть и видела полное раскрытие всего домостроительства Божьего о нашем спасении. Она видела, как обетованный Искупитель сошел с неба, воплотился от пресвятой Девы и, вселившись посреди людей, научил их истинному боговедению, указав всем пути к царствию Божью. Она видела, как Он – вочеловечшийся Сын Божий – принес Себя в искупительную жертву за грехи наши, – видела Его страдания и крестную смерть; но она же видела и Его тридневное воскресение, вознесение на небо, сидение одесную Отца и послание в мир пресвятого Духа. Да, новозаветная Церковь видела всю тайну искупления в полном ее раскрытии, и не только видела, но и узаконила, хранить эту тайну и вспоминать о ней непрерывно до скончания века (1Кор.11:24–26).

И вот, наши святые храмы, как живые, неумолкаемые проповедники великих дел Божьих, явленных в искуплении, действительно, и хранят и вспоминают все дело спасения Божьего, представляя его вниманию верующих, и в своих иконописных изображениях, и в каждодневном богослужении, и в церковных обрядах и празднествах, и в духовных песнопениях и молитвословиях. Но, если когда и где мы видим и слышим и как бы обоняем неизреченную тайму искупления: то особенно, в чтениях Евангельских и в приношении святейшей бескровной жертвы при литургии.

Таким образом, в наших храмах, как вы видите, братья, не Моисей, хотя и великий и верный и Боговидец, по все же не более, как раб Божий и служитель в доме Церкви ветхозаветной (Апок.15:3; Евр.3:5), – не Моисей со скрижалями десятословного закона и с кодексом уставов подзаконных, по сам Христос, сам Богочеловек и Сын Божий, сам Господь Ангелов и человеков, сам Зиждитель Церкви и Мира, с радостной вестью о благодати, спасающей всех верующих в Него. В наших храмах – не левиты и священники с теми жертвами всежжения, кои они, в очищение грехов своих и людских, по вся дни приносили Богу, как безысходно и по всем дням состоявшие под грехом и клятвою, – не левиты, говорю, и

священники, по чину Ааронову и из среды людей грешных и смертных: но великий, вечный и святейший Первосвященник по чину Мелхиседекову (Евр.5:10), который, однажды принеши Себя самого во всесожжение за грехи мира, вошел, со своей вниманию верующих, и в своих иконописных изображениях, и в каждодневном богослужении, и в церковных обрядах и празднествах, и в духовных песнопениях и молитвословиях. Но, если когда и где мы видим и слышим и как бы обоняем неизреченную тайму искупления: то особенно, в чтениях Евангельских и в приношении святейшей бескровной жертвы при литургии.

Таким образом, в наших храмах, как вы видите, братья, не Моисей, хотя и великий и верный и Боговидец, по все же не более, как раб Божий и служитель в дому Церкви ветхозаветной (Апок.15:3; Евр.3:5), – не Моисей со скрижалями десятословного закона и с кодексом уставов подзаконных, по сам Христос, сам Богочеловек и Сын Божий, сам Господь Ангелов и человеков, сам Зиждитель Церкви и Мира, с радостной вестью о благодати, спасающей всех верующих в Него. В наших храмах – не левиты и священники с теми жертвами всесожжения, кои они, в очищение грехов своих и людских, по вся дни приносили Богу, как безысходно и по всем дням состоявшие под грехом и клятвою, – не левиты, говорю, и священники, по чину Ааронову и из среды людей грешных и смертных: но великий, вечный и святейший Первосвященник по чину Мелхиседекову (Евр.5:10), который, однажды принеши Себя самого во всесожжение за грехи мира, вошел, со своей кровью, в скинию небесную, и там, умиловив разгневанное правосудие, навсегда примирил небо с землей и Божество с человечеством, потребил от земли клятву и, возвратив ей мир и благословение, всем даровал и живот вечный и блаженство нескончаемое и славу царствия.

Столько-то, братия, свят и дивен в правде наш храм христианский (Пс.64:5)! Столько-то возвышен он над храмом иудейским! А такое превосходство, такая святость и высота нашего новозаветного святилища не обязывает да нас христиан, и любить его искренно и посещать его с готовности, и стоять в нем безмолвно и благоговейно, и молиться с духом смирения, благодарения и преданности Богу – Спасителю нашему?

Ведаая все это, возревнуйте, возлюбленные, о славе Господней и о вашем спасении. Явив собою св. пример любви к благолепию зиждемого вами храма, как дому Отца небесного (Ин.2:16), явите пример благочестия, усердия и любви и к самым службам, совершаемым во храме, как в доме молитвы (Лк.19:46). Ваша вера, выражаемая делами и жизни, не только привлечет на вас сугубую милость и благодать Божью, но за молитвами

пресвятой Девы, усердной Заступницы нашей, и самих вас созиждет, яко камень живо, в благодатное жилище Божье, в храм духовен и церковь святую о Господе (1Пет.2:5; Еф.2:21, 22). О, когда б исполнилось над вами не на время только, но и в роды родов, слово благоволения и особенной милости Божьей, к избранным своим: вселюся в них, и похожду, и буду им Бог, и тии будут Мне люди (2Кор.6:16). Аминь.

Молитва на освящение нового гостинного двора в г. Верном

Владыко, Господи Боже, всесильным словом Твоим создавший вселенную, и тем же словом погрузивый на ни чесом же землю, на ней же и поставил еси человека, над дела руку Твоею, благословив его, и жить на ней и множаться, и делать ю и хранить, и воздвигать на ней и жертвенники святые и скинии и храмы во славу Твою, кущи же и каливы, дома и горницы и всякого рода здания и жилище нам людям Твоим, якоже и Сам Ты избрал еси Сиона в жилище Себе. Ты убо, милосердый и вездесущий Содетелю всяческих, услышь нас с небесе святого Твоего, и вопли гласу моления нашего: се воздвигоша рабы Твои гостинодворные сии хранилища и храмины, во еже хранить и соблюдать, куповать же и продавать в столпостенах их вся благопотребное для жизни и сожития населяющих град сей и веси сопредельные. Призри убо, Вседержителю благий, на рабов Твоих сих, освяти здания, благослови наздавших я и вступающих в ня, и сотвори, да будут мирны и благословенны все их входы и исходы и все их дела и начинания: над всеми же сими, огради и осени их жизнь и здравие св. Ангелами Твоими, а дух их утверди во Евангельской истине и правде, да отбегше прелести лукавого и всех греховных поползновений к обогащению неправдой, поживут в веке сем непорочно и праведно, и да ходят пред лицом Твоего Триипостасного величества во всяком благочестии и чистоте. О, вседержавный Владыко, Спасителю наш! Ты не возгнушался еси внити под кров и дому Закхея – мытаря и грешника, во еже освятить его и спасти всех бывших тамо: не возгнушайся же, – умоляем Твое божественное благоутробие, – не возгнушайся, невидимо и благодатно совнити с рабами Твоими, под кровы и сих новозданных жилищ, да присно пребудет на них Твое всеосвящающее благословение, а на водворяющихся под сенью сих же кровов да пребудут выну, не токмо благословение Твое со освящением, но и Твоя безмерная милость и благодать спасения: Ты бо еси Бог наш, Бог еже миловать и спасать, к Тебе же все мы возносим молитвы и моления, и Тебе воссылаем, славу, честь и благодарение, со беспечальным Твоим Отцом и со пресвятым и благим и животворящим Твоим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Речь, говоренная при освящении нового каменного гостинного двора в городе Верном⁸

Возлюбленная о Христе братия!

Христианское настроение духа вашего, проявляющееся в разных видах вашей веры и благочестия, и всегда, более или менее, было видимо; в настоящую же минуту, оно, благодарение Господу, еще видимее, и это от того, что проявлением его ныне послужило то святое евангельское богомудрие (Мф.10:16), которое, составляя отличительную черту вселенского православия, преимущественно состоит в молитвенном обращении ко Господу Богу и в благоговейном испрошении от Него помощи и благословения, при начинании всякого дела и делания.

Да, братия, я уверен, что не столько существующий обычай, хотя и благочестивый, сколько собственное ваше доброе чувство, вызвало вас, и самим освятиться и освятить новоотстроенные здания, пред вступлением под кров их. Я уверен, что сознание христианского долга глубже всего лежало в основании того моления, которое вознесено ко Господу о благословении, давно предположенного, передвижения на другое место поприща вашей обычной деятельности, и о благодатном споспешествовании вам во всем, при вашем вступлении в новый фасис той же коммерческой жизни. Как бы то ни было, но благочестивый и священнолепный обряд, только что нами совершенный, ясно говорит, что вера в благодатную близость к вам Бога всемогущего и вездесущего, и живое упование на Его благость и милосердие, неоскудеваемо живут в сердцах ваших. Сорадуясь столь доброму настроению духа вашего, с любовью приветствую вас, братия, с наилучшим началом подлежащего вам дела.

Впрочем, все это в среде христианской, особенно ныне, так и должно быть. Не мы ли сами нередко говорим: «без Бога ни до порога». О, какая св. правда в этой всенародной аксиоме! Не о Нем ли, – и в самом деле, – не о Нем ли, вашем Творце и Промыслителе, все мы и живем и движемся и есмы (Деян.17:28)? Не Его ли незримая десница, каждое мгновение, держит жизнь нашу, висящую над бездной ничтожества? А кто того не знает, что мы, по слову Псалмопевца, не можем и жилища для себя устроить, если вседержавный Содетель всяческих не созиждет его изволением своей воли, и града устеречь, при всем множестве в нем обходов, стражей и караулов, если не предусмотрит и не отвратит от него всех зол и напастей, недремлющее око Господа сил, всеведущего и преблагого? А ваши занятия

и труды, возлюбленные о Христе чада мои, не имеют ли также нужды в благопоспешении и помощи свыше, от Того же Отца светов, от коего исходит всяко даяние благо и всяк дар совершен (Иак.1:17), если хотите, чтобы ваши труды и предприятия, были благоплодны и благоуспешны? Итак, продолжайте, братия, ходить и действовать в духе христианского богомудрия, возгревайте в себе этот дар Божий, и молитесь ко Господу всегда, с непрестающего верой и упованием.

Но, молясь о своих делах и начинаниях, молитесь Отцу небесному, не столько о благопоспешении вам в трудах ваших, сколько о сохранении сердца вашего от искушения похотью очес (1Ин.2:16), а тем паче, от увлечения ею и от обогащения средствами неправедными. Не сокрою, возлюбленные, что если кому, то вам особенно и всегда должно носить в сердце; своею слово Христово: какая польза человеку, если от приобретет и весь мир, а душу свою отщесит (Мф.16:26), и погубит, лишив ее к образа Божьего, и виисоны оправдания, и благодати спасения? Да и не лучше ли всегда иметь в виду то единое на потребу, что составляет для нас часть самую благу и неотъемлемую (Лк.10:41, 42)? Не лучше ли прежде всего искать царствия Божьего и правды Его (Мф.6:33), тем паче, что все прочее, как-то: пища и питье, одежды и багряницы, злато офирское и синеты фарисисские – все это приложено будет само собой и как бы в придачу к правде, коей приобретается царствие? А чтобы вам непоколебимее устоять в евангельской правде и святом богомудрии, дерзаю молитвенно вручить вас под благосердый покров и защиту святейшей Богоматери⁹, да осеняет Она присно молитвами своими и град наш и место сие и всех вас, не только споспешествуя вам в делах вашего звания, но и ограждая и спасая всех и все от всех зол и напастей. В заключении же всего, умоляю неизреченную благодать и милосердие Божье, да за молитвами преблагословенной Девы Заступницы нашей, благословение Господне пребудет на вас, на ваших занятиях и на всех сих новозданных храминах, всегда, ныне и присно, и во веки веков.

Слово на день Казанской Божьей Матери, говоренное в Туркестанском кафедральном соборе в 1875 году

Блажени слышащие слово Божье, и хранящие е (Лк.11:26)

Это слова Христовы из и нынешнего Евангелия. Случай, по которому оне произнесены, был следующий: Спасатель Христос беседовал, по обычаю, с собравшимся к Нему народом. В толпе народной были и женщины, особенно любившие слушать Божественного Учителя. Одна из них, внимая предлагавшемуся, учению, в такое пришла умиление, что, возвысив голос из среды народа и обратившись ко Христу, воскликнула: блажено чрево, носившее Тя, и сосца, яже еси ссал (Лк.11:27). Господь не оставил без внимания возглашения жены, и на ее восклицание, из ее же слов, извлек назидание для всех слушавших Его, сказав, как бы, так: «Носившая Меня во чреве и питавшая от своих сосцев, действительно, блаженна. С той минуты, как снизшел на Нее Дух Святой, и сила Вышнего осенила Ее приснодевственную утробу, Родшая Меня преисполнена миром и радости о Дусе Святе. За всем тем блаженство не есть исключительное достояние Ее одной. Ведайте, Я на то родился и на то в мир пришел (Ин.18:37), чтобы, возвестив миру имя Божье, указать грешному человечеству путь спасения, и таким образом, возвратить, сколько можно, всем людям утраченное блаженство. И вот, это блаженство в настоящее время доступно для всех избранных Божьих, – для всех тех, кои, со вниманием слушая благовествуемое Мною слово Божье, хранят его и творят: темже убо блажени слышащие слово Божье, и хранящие е.»

Таким, братия, смысл слов Христовых, в связи с возглашением даны, на которое они служили ответом! Остановим на них наше внимание, и с живым упованием на всесильную помощь присноблаженной Заступницы, уясним, сколько можно: отчего именно блаженны те, кои слушают слово Божье, и почему слушающе это слово должны и хранить его?

Итак, блаженство верующих во Христа Спасителя начинается от слышания слова Божьего. А чтобы видеть, что слушающие слово Божье с верой и благоговением, действительно достоблаженны, следует только вспомнить, что слово Божье есть небесное откровение истин, с одной стороны, непреложных, вечных и святых, а с другой, – для нас поучительных и, большей частью, отрадных, утешительных и необходимых.

Понятно, что такое откровенное слово Божье, перее всего, должно

говорить, и говорить пред нами о самом Боге, как о всемогущем Зиждителе Мира и Промыслителе всего сотворенного, – говорит, открывая нам не одни Его внешние действия и свойства, но, сколько то для нас нужно, и присносущную славу Вседержителя, и самую тайну Его внутреннего, триипостасного Божества. Потом слово Божье говорит о мире, как о долге премудрой и всезидущей силы Создателя всяческих, говорить о сотворении неба, тверди небесной, светил, осиявающих землю, а затем и самой земли, как общего жилища нашего и всех существ, ее наполняющих.

На конец, это же слово Божье сообщает нам о нас самих, или о человеке, о создании его по Богу в правде и преподобии истины (Еф.4:24), о его блаженстве в раю, об утрате сего блаженства и об изгнании из рая, или же, о том, как вошел в мир греха, а с грехом и все нужды и лишения, все скорби и печали, все болезни и страдания, а наконец и самая смерть. Столько-то святых истин сообщает нам св. откровение. Но это не все.

Как преблагой Господь, изгнав грешников из рая, не ограничил сим своих промыслительных действий о падшем человечестве: так и слово Божье не остановилось на этом в дальнейшем сказании о Боге и человеке, а напротив, излагая, в продолжение многих, многих веков, судьбу падшего человечества, и в самом Боге проявило новые и высшие стороны Его Божественных совершенств. Не говоря уже об ужасающем величии правды у суда Божьего, явленным в страшных казнях мира допотопного и градов Содомских, слово Божье открыло пред нами всю неисследную бездну милосердия Божьего к падшему человечеству, или же показало вселенной такую силу любви Божьей к нам грешникам, что Отец небесный и Сына своего не пощаде, но за нас всех предал есть Его в искупительную жертву (Рим.8:32), чтобы всех грешников падших, но верующих в Искупителя, восставить и спасти от вечной смерти и от геенны среди мраков ночных.

Но столь высокому и непостижимому таинству, – таинству искупления грехов всего мира, чрез воплощение Бога-Слова, долженствовало предшествовать и предшествовало много новых откровений, обетований, прообразований и пророчеству как о лице Спасителя, как и самом деле спасения. Кроме того от начала мира до явления Христа, во множестве должны были проявиться примеры жизни, не одной греховной – людей безумных и безбожных, но и благочестивой – человеков Божьих, ходивших пред Господом в духе веры и святости.

И вот, все это презельное богатство благодати, любви и благостыни небесной (Ин.3:16; Еф.2:7), а также и поучительных примеров жизни своей и нечестивой, – содержится в слове Божьем и направлено к

ободрению, укреплению, вразумлению и воодушевлению нас, немощных и грешных, – нас, кои, и по пришествии на землю Христа Господня, продолжаем еще жить в том же мире прелюбодейном, и среди тех же скорбей и печалей.

Имея это в виду, кто не согласится, что слово Божье ниспослано к нам, в эту мрачную юдоль слез и воздыханий, как многоценная сокровищница, в коей не одни – просветительные, высокий и святые – небесные истины, но и все, что может поддерживать, миротворить, ободрять, умудрять, утешать и радовать дух наш среди всех превратностей мира, во зле лежащего (1Ин.5:19)?

Теперь сами судите, возлюбленные, не блаженны ли те из нас, кои благочестно прилежат к чтению и слышанию слова Божьего? Подумайте, сколько таковые могут извлекать из св. откровения всякого рода животворно-отрадных и утешительных мыслей, чувств, правил и внушений, чтобы пользоваться ими при всех встречах с случайностями жизни коловратной? Не правда ли, что одни повествования о ветхозаветных праведниках и грешниках весьма много содержат в себе поучительного для всех времен состояния мира?

Жизненные примеры людей добрых и злых, праведных и грешных, если не всегда для нас приятно, то всегда благотворно и сильно влияют на сердца нерастленные, неотклонимо зароняя в них живые искры любви и расположения ко всему доброму и святому, и тайного отвращения от всего богомерзкого и порочного.

Дивно ли, после сего, что прилежащие к слову Божью, тем чаще поучаются в св. заповедях, и во всех словесах и оправданиях Господних, тем глубже внедряются в них – спокойствие совести, довольство среди самых лишений, ничем незаменяемый жир, живое умиление и радость пренебесная? А подобный в нас ощущения, согласитесь, братия, что такое, если не те вожденные плоды, кои, возрастая в нас, под веянием благодати, и служа нам, как бы, залогом и предвкушением благ вечных в небе, в то же время составляют и все возможное для нас блаженство на земле? Сим-то блаженством наслаждались и человеки Божьи, поучаясь в законе Господнем день и ночь (Пс.1:4), и ощущая в себе такое радостное настроение духа, что недоумевали, как назвать и возвеличить слово Божье. В нем они видели и утешение и отраду для души, и веселие сердца, и поучение для ума, и свет, просвещающий их разумные очи, и надежду спасения, движущую к радости самые их кости смирения (Пс.50:10), а потому и считали это слово вожденнее паче злата, драгоценнее паче топазия, и сладостнее паче меда и сота (Пс.118:127; 18:11). Темже убо

блажени слышащие слово Божье.

Но одно ли слышание слова Божьего делает нас блаженными? Нет, братия! Одно слышание истин спасения, какие бы они ни были и где бы ни находились, в ветхом ли Завете, или в новом, не может нас оправдать и спасти, а, следственно, и сделать достойными того блаженства, которое, начинаясь здесь на земле живых, имеет вполне раскрыться там, – среди сонмов лучезарных небожителей, и пред лицом славы Триипостасного. Нельзя отвергать, что и одно слышание слова Божьего может доставлять известную долю блаженства, судя потому, кто как слушает; но такое блаженство, не будучи подкрепляемо, оживляемо и усиливается хранением и исполнением слышимого, – не полно, а кроме того, и бездушно и слабо, и слишком скоро омрачается – то заботами и печальми века сего, то богатством и сладостями житейскими (Лк.8:14). Собственно, слышание слова Божьего только предрасполагает и приближает нас к блаженству, делая дух наш более или менее достойным блаженства. Что же касается до водворения блаженства внутрь нас и его действований в сердцах наших: то это производит в нас не столько слышание слова Божья, сколько хранение и творение того, что в нем заповедано. Во всяком случае, блаженство, происходящее от одного слышания – непрочно и неблагонадежно. Посему и Спаситель Христос тех, кои слушают слово Божье, но не творят его, не похвалит и не ублажает, а уподобляет их тем глупым строителям, кои зиждут дома, не положив твердого для них основания: всяк слышай, говорит Господь, словеса Моя сия, и не творя их, уподобится мужу уродиву, иже созда храмину свою на песце: и сниде дождь, и приидоша реки, и возвеша вепри, и опрошася храмине той, и падеса: и бе разрушены ее велье (Мф.7:26, 27).

Да и можно ли надеяться блаженства тем, кои, слушая слово Божье и слово Христово, ведут жизнь не по заповедям Божьим и не по духу Христову, а или по духу мира лукавого, или по влечению страстей и похотей плотских и срамных? Чаемое блаженство имеет открыться в невечернем дни царствия Божьего. Между тем, в царствие Божье, как и на брак Агничий, никто иначе не может войти, как только в чистом и светлом виссон оправдания (Апок.19:9); виссоном же оправдания служит для нас светлая и святая жизнь, и следственно, не одно слышание слова Божьего, но и хранение его, и творение: праведны бо пред Богом, говорит св. Апостол, не слышатели, закона, содержащегося в слове Божьем, но творцы, закона, сии оправдятся (Рим.2:13). Сюда же должно отнести и то, что сам Спаситель изрек: не есть глаголай Ми: Господи, Господи, внидет в царствие небесное, но творяй волю Отца Моего, иже есть на небесех

(Мф.7:21).

Кроме того, хотя и стороною, но мы уже касались, что слово Божье проглаголено к нам в наше назидание и научение. Самое первое слово, изреченное Творцом вселенной к нашим прародителям, есть слово благословения и в тоже время наставления: как они должны были жать, в чем имело состоять их занятие и чего им надлежало беречься (Быт.1:28; 2:15–17). Этот педагогический характер слова откровенного, более или менее, виден почти везде, так что везде можно находить и прямые заповеди и прикровенные указания и всякого рода наставления, внушения и вразумления, направленные к тому, чтобы вам, при их руководстве, только здесь – на земле – стяжать тихое и, безмолвное житие (1Тим.2:12), но и там – в небе – восхитить царствие Божье с уготованным в нем блаженством. Эту цель св. Апостол раскрывает распределенно. Говоря о священном Писании, в коем заключено слово Божье, он учит, что всяко писание богодухновенно и полезно есть, ко учению, ко обличению, ко исправлению, к наказанию (наставлению), еже в правде, да совершен будет Божий человек, на всякое дело благое уготован (2Тим.3:16, 17).

Если же слово Божье внесено в писание и даровано вам в руководство, не только для безбедного прохождения по земному поприщу жизни, но и для наследования вечного спасения и живота нескончаемого: то согласно ли будет с этой богомудрой целью, и довольно ли для нас самих, ограничиваться одним лишь слушанием и чтением слова Божьего, не вводя законоположений от в нашу действительную жизнь и не направляя по духу его всего дела спасения нашего? Для чего и слушать слово Божие, если не творить его? Для чего и веровать в него, как в благодатное вспоможение для нас в делах веры и спасения, если не следовать ему и не пользоваться его внушениями?

Столько-то, братия, имеем мы побуждений, не останавливаться на одном слышании слова Божьего, а преспевая в слышании, тем паче преспевать и в хранении его и в исполнении. Иначе, двери царствия Божьего всегда для нас будут заключены, и нас не озарит тот свет славы и блаженства, который преднаписан всем преподобным и святым. А чтобы, и действительно, благосердый Царь славы не лишил нас части спасаемых, будем чаще прибегать с пламенной мольбой к преблагословенной и богоблаженной Приснодевы, до силой своих молитв и предательства, умножить в нас силу свыше, чтобы всем нам не только внимать слову Божьему, но и осуществлять его жизнью.

В заключение же всего, возблагодарим, возлюбленные, пред неисповедимой благостью Отца небесного и возблагодарить Его за

дарование нам слова своего, – слова, изглаголанного, древле – чрез Пророков, а в последок дней, – чрез самого Сына Божьего и Его богодохновенных Апостолов; но возблагодарить не словом и устами, а делом и истиной, – возблагодарим св. решимостью – и слушать слово Божье, всегда, с верой, и творить его с непрестающей любовью. Аминь.

Слово в день священного помазания на царство Благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича

Множество премудрость спасение миру
(Прем. Сол. 6:26)

Неоспоримо, что всяк язык и всяко царство, даже мир весь со всеми царствами и языками, стоит и сохраняется действием всемогущей воли Божьей. Но и самая воля Божья престаёт сохранять царства и народы, как скоро в них оскудевает то святое семя, которое, по выражению Пророка, составляет стояние мира (Ис.6:13), а следственно удаляются и те премудрые, множество коих, по словам премудрейшего, служит оплотом и ограждением держав земных.

Но кто – эти премудрые, составляющее столь необходимое условие спасения мира и сущих в нем царств и народов? Слово Божье различает два вида мудрости в мире, а следственно и два рода премудрых. Одну мудрость именуется оно земною и душевною (Иак.3:15), а другую – небесной и Божьей (1Кор.1:21). О первой говорится: погублю премудрость премудрых (1Кор.1:19), а у другой: едина же сущи, всяческая может, и пребывающи в себе, вся обновляет (Прем. Сол.7:27).

Нет сомнения, что премудрые, охраняющие благоденствие обществ гражданских, суть люди, стяжавшие премудрость небесную и ходящие по духу веры и благочестия. На сих же невидимых святых столпах стоят и утверждается и мир природы, и мир людей! Сие-то святое семя Божье, сия-то пшеница Христова, возрастая среди плевел мира грешного, составляет а наше спасение и крепость всякого царства.

Да, братия, царства земные весьма разнообразны, как по народам и племенам, входящими в состав их, так и по численности населения каждого царства. Между тем, подданные, к какой бы державе ни принадлежали, и как бы разноплеменны и многолюдны ни были, в нравственно-религиозном отношении, легко обобщаются в два вида, именно: один из них, боясь Бога страхом сыновним, чтут и Царя (1Пет.2:17), как верховного владыку на земли; а другие, не воздавая душевно Божьему Богу, по селу самому, не воздают, как должно, и яже кесарева Кесареви (Мф.21:21).

Понятно, что первые, пребывая в послушании веры (Рим.1:5), и живя богобоязненно, праведно и благочестно, представляют собой сынов

царствия (Мф.13:38), сынов света и благодати; а последние, как противящиеся святой истине и ходящие по духу мира прелюбодейного, суть сынове века сего (Лк.16:8). имже бог чрево, кончина погибель, и слава их в студе (Фил.3:19). А при такой противоположности жизни и стремлений сынов царствия и сынов века сего, нужно ли доказывать, что Дух благодати, милующей и спасающей, не пребывает и не может пребывать на тех, кои, не имея Бога в разуме и сердце, предаются нечестию и мирским похотям, и, увлекаясь всякой неправдой, творят неподобная (Рим.1:28). Но за то, этот же Дух благодати Божьей не преставал почивать, и почивает сугубо на всех боящихся Бога, на всех чтущих и любящих Его и служащих Ему в духе веры и святости.

Да и как премилосердому и преблагому Создателю всея твари не миловать и не спасать благопокорных рабов своих, кои и служат Ему со страхом, и радуются предо Ним с трепетом (Пс.2:11)? Не они ли суть приснии Богу и чада Божья возлюбленная (Еф.2:19; Рим.8:16; Еф.5:1)? Но они ли род избран, язык свят, царское священство (1Пет.2:9)? Не они ли те живые церкви в кои особенно вселяется Утешитель, и живет в них своей благодатью (2Кор.6:16; 1Кор.3:16)? Не для них ли, собственно, и солнце сияет и десница Божья разверзается с дарами благости небесной, и не над ними ли наипаче бдит то благосердое Око, которое не воздремлет, ниже уснет, храня возлюбленного своего Израиля (Пс.120:4)?

Но как и сии сынове царствия и присные Богу живут в мире не отдельно, а посреди рода строптива и развращенна (Фил.2:13): посему, храня Господь души преподобных своих (Пс.96:10), хранит с ними и за них и язык грешный и семя лукавое (Ис.1:4), – хранит для того, чтобы, преждевременно сокрушая грешников, как сосуды гнева, обреченные в погибель, не сокрушит с ними и сосудов милости, предуготованных к славе (Рим.2:23, 24). «Хочешь ли», говорят в Евангельской притче рабы господину, – «хочешь ли, мы пойдем и истребим плевелы, заглушающие доброе семя»? – Ни, отвечает Господь, ни: да не когда восторгающие плевелы, восторгните купно с ними и пшеницу (Мф.13:28, 29).

Итак не ясно ли, что всесвятой Владыка мира, имея в виду спасение, собственно, премудрых, щадит за них до времени и буиих, и удивляя милость свою на благоугождающих Ему и на святых, иже суть на земли (Пс.15:3), не лишает щедрот своих и людей грешных, и преогорчевающих благость Божью? Но средство спасения мира грешного и сущих в нем чрез сожитие с грешными праведных не есть единственное. Избранные Божьи спасают мир и все неотрожденное человечество и другим образом.

Праведники, живя в мире, посреди людей грешных, отвращаются

лукавых дел грешников, но не отвращаются их самих, и не только не отвращаются, но и любят их, как ближних своих и как братьев единого семейства Отца небесного. Таково свойство любви Божьей, изливающейся в сердца наши Духом Святым (Рим.5:5). Эта святая любовь, николиже отпадая, никогда не соблазняется и не раздражается лукавствиями людей, творящих злое, но, сожалея о лукавствующих, ревнует о их спасении ревностью Божьей (2Кор.11:2). Любовь святая не только не радуется о неправде беззаконующих, но и воздыхает ко Пресвятому, да приведет Он в разум истины всех применяющих истину Божью во лжу (Рим.1:25). Она не ищет в их гибели своих си (1Кор.13:5, 6), – не ищет ни своего возвышения, ни осуществлен своих надежд, но, желая всем спастись, молится, да помилует Господь самых врагов креста Христова, да озарить их светом Евангельского богоразумия и сотворить всех сожителами святит и присными Богу, верую о Христе Иисусе (Еф.2:19; Гал.3:26).

Если же и за сим, гнев Божий отрывается с небесе, и уже грядет на умножившееся нечестие (Рим.1:18), то святые Божьи, ощущая, подобно св. Павлу, скорбь велию и непрестающую болезнь в сердце своем (Рим.9:2), до того умножают пред Святейшей правдой свои молитвенные вопли и стенания о согрешивших, что лучше хотели бы сами лишиться благ царствия, нежели видеть ближних своих отверженными: молюся Ти, Господи, взывал некогда начало-вождь израильский о людях своих, и ныне аще убо оставиши им грех их, остави: аще же ни, изглади мя из книги Твоей, в нюже вписал еси (Исх.32:31, 32). Припадал также с молением пред Господом Даниил, муж молитв и желаний (Дан.9:20, 23), – и Ветхий деньми явил лице свое на святилище опустившее (Дан.9:17), – и царство Иудино вскоре затем возвысило скипетр свой. Да и Бог ли милосердый, коего и очи и уши устремлены в молитву праведных (Пс.33:16), не услышит столь крепкой мольбы? Он ли – чадолюбивый Отец – не подвигнется силою веры благодатных чад своих, – веры живой, всемогущей (Мк.9:23), движущей и ввергающей в море самые горы (Лк.17:6)?

Вот тайна благоденствия держав земных! Она заключается в вере и благочестии тех самых народов, кои составляют сии державы.

Но да не подумает кто-либо, что, поставляя основанием благоденствия народного веру и благочестие подданных, мы как бы забываем труды и заслуги людей, облеченных властью. О, нет, возлюбленные, нет! Подобное забвение было бы крайне преступно и непростительно. Да и можно ли забывать это? Кто не знает, что власти, коими облакаются сыны силы (военачальники), мужие дел (правители

гражданские) (3Цар.1:52; 11:28), сколько, с одной стороны, священны и досточтимы, столько же, с другой, – благодетельны и необходимы. Да, земные власти действительно священны: ибо несть власть, аще не от Бога, сущие же власти от Бога учинены суть (Рим.13:1). А что они благотворны и необходимы, это видно из того, что отъятием чиновачалий и властей, – отъятием исполина, и крепкого, и человека ратника, и суды, и пророка, и дивного советника и старца (Ис.3:2,3), само слово Божье угрожает народам нечестивым, как крайним бедствием за крайнее оскудение, в среде их, жизни праведной и богоугодной.

Итак начала и власти, для устроения блага общественная, необходимы, – необходимы до того, что без них никакое общественное благоденствие немыслимо; но дело в том, что эти власти тогда только устроят ожидаемое благоденствие, когда высокие доблести чинов военных и гражданских действуют не отдельно от добродетелей Евангельских, а в соединении с ними. Слуга царев тогда только соответствует премудрым намерениям и ожиданиям царевым, когда он перее сделался слугой Божьим. Непосредственные таинники высоких царских советов, военачальники и люди ратные, судии и правители, законоискусники и правосудны напрасно стали бы умудряться в разуме суда и законов (Прем. Сол.9:5), не умудрившись, прежде, в изучении страха Господня, как начала премудрости и разума (Притч.1:7).

Согласитесь, возлюбленная братия, то заповедь царева, как и заповедь Божья, зело широка (Пс.118:96), и что к ее выполнению, по всей силе ее обязательства, требуется не один страх наказания за неточное исполнение заповеди, не одно хладнокровие и кажущееся бесстрашие в объявлении приговора милующего и карающего, и не одна внешняя правота, успокаивающаяся в мертвой букве, а постоянное стремление к святой истине, ревностное исполнение всякого дела и непоколебимое настроение духа – всегда действовать не за корысть, и не по дружбе и родству, но по одной лишь правде и за совесть (Рим.13:5). А при стольких и таких условиях правдивой службы, сколько требуется постоянства и благонамеренности, трудов и усилий, стойкости характера и неподкупной честности, чтобы служение было по точному смыслу и по всей широте заповедей Божеских и царских? Что же, доблестные мужи, побуждает вас к такому подвижническому действию? Вы скажете: звание ваше, поддерживаемое и одушевляемое клятвой, и долг повиновения Царю? Но я снова спрошу: что вас обязывает быть верными и самой клятве, а тем более вашему званию и Царю? Не вера ли ваша, – святая и небесная, не вера ли, требующая от всех вас и во всем ходить достойно звания, в неже званы

бысте (Еф.4:1)? Не она ли убеждает вас с таким настоянием: повинитесь царю, яко преобладающе (1Петр.2:13), повинитесь властем предержащим (Рим.13:1), повинитесь всякому начальству человеку Господа ради (1Петр.2:13), повинитесь не токмо за гнев, но и за совесть (Рим.13:5); ибо повинующийся власти, повинуется самому Богу: Бог бо есть Царь всякого царства (Ис.37:16).

Вот как святая вера движет на поприще общественного служения и одушевляет вас, возлюбленные, к святой евангельской правде! И помните, что вы тогда только и делаетесь достойными опорами престола и отечества, верными блюстителями законов и усердными споспешниками благу общественному, когда следуете внушениям вашей веры, а следуя внушениям веры Христовой, вы, более или менее, и сами делаетесь тем святым семенем, которое составляет основу и стояния и спасения мира: в благоделании и в благословении праведных исправится и возвысится град: усты же нечестивых раскопается (Притч.11:10, 11).

Но, благодарение Господу! – твои грады, благословенная Россия, не раскопаются; они крепки, как твердыни Божьи, и непоколебимы, как Сион святой. Твои премудрые подвижники, облеченные властью военною и гражданской, и спасающие тебя на поприще жизни частной и общественной, не только не оскудели, но и во множестве суть в тебе. Процветай же, возлюбленное отечество наше, под мирным и богомудрым правлением Августейшего вашего Монарха. Процветай, как крин сельный, возносись, как кедр ливанский, расширяй ветви свои, как возлюбленный виноград Господа Саваофа, от моря до моря, и от рек до конец вселенные (Пс.71:8). Аминь.

Слово на новый 1876 год, сказанное в Туркестанском кафедральном соборе

Блюдите убо, како опасне ходите, не якоже не мудре, но якоже премудри: искупующе время, лукави суть

(Еф.5:15)

Думаю, возлюбленная братия, что вы уже слышали – и радостные приветствия друг от друга с новым годом, и взаимные пожелания здоровья, мира, долгоденствия и благоденствия. И дай Бог, чтобы эти приветствия были искренны и сердечны; дай Бог, чтобы эти благожелания не ограничивались одним лишь словом и обычаем. Впрочем, как бы то ни было, но в настоящую минуту, предстоящий алтарю Христову долгом считает изречь вам, от лица Церкви, и приветствие и благожелание иного рода.

Мы совершили и окончили годовое поприще временной жизни. Что это значит? Не то ли, что мы еще ближе стали к вечности, и что время земной жизни, назначенной нам в судьбах Вседержителя, еще сократилось для каждого из нас на целый год? Имея это в виду, приветствую вас, братия и чадца мои о Господе, с умалением дней жития нашего на земле, и с приближением к той неизбежной минуте, в которую каждый из нас, оставив здесь и родство и дружество, и все величие земное, и все сокровища и наслаждения, один – без титула и доблестей века сего, без отличий и без славы, – один со своей совестью и своими делами должен вступить в вечность, или блаженную или злополучную. Прилагая же это сокращение времени к собственному моему и вашему сердцу, не только желаю, но и молю милосердного Господа, чтобы все вы, возлюбленные, прочее время оставшейся жизни провождали сколько возможно осторожнее, не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем и стараясь всякий час и всякую минуту употреблять в пользу для своего спасения. Сие глаголю, братья, то время прекращено есть прочее: блюдите убо, како опасно ходите, не якоже не мудры, но якоже премудры, искупующе время, яко дни лукави суть (1Кор.7:29; Еф.5:15).

Да, братия, дни жития нашего на земли, действительно, лукавы, и не только для тех, кои, увлекаясь потоком времени лукавого, не радят о своем спасении и неудержимо несутся к вечной гибели, но и для тех, кои, внимая своему спасению, более или менее противятся минутным обольщением мира, во зле лежащего (1Ин.5:19). Даже, и те самые, кои, по благодати Божьей, достигли уже известной высоты возраста Христова

(Еф.4:13) и ходят пред Господом в духе веры и святости (1Сол.3:13), и те не изъяты от преткновения о соблазны века сего. Итак, на каком бы кто степени духовного возраста ни стоял из вас, возлюбленные, старайтесь все и каждый, – старайтесь всемирно жить, не только с осмотрительностью и смиренномудрием, но и свято и благочестно, памятуя, что дни жизни нашей скоротечны и обманчивы.

И во-первых, старайтесь пользоваться временем вы, истинные чада Церкви Христовой, – вы, которые, хотя и живете среди нас, как пшеница Христова среди плевел сельных, но тем не менее, для нас незримы и незнаемы. О, если кому, то вам особенно, должно помнить, что, с одной стороны, чем более вы совершили подвигов на скорбные пути к царствию, тем неусыпнее бодрствует над вами исконный враг наш, стараясь, всеми кознями тьмы и ада, совратить вас с пути святого, а с другой, – чем ближе вы к небу и царствию, и чем уже короче время ваших болезненных трудов и подвигов, тем безотраднее было бы для вас лишаться блаженства и венцов царствия: блюдите, како опасно ходите.

Царствие небесное, по словам самого Спасителя, нудится, – то есть, требует непрерывного бдения над собой и усилий, и те только восхищают оное (Мф.11:12), кои непрестанно ищут его, – ищут в духе веры и смирения, в духе послушания и самоотвержения, в духе послушания, молитвы и упования на милосердие Божье. Да, братия, один шаг непредизмеренный и неверный на пути спасения, один поступок, учиненный в преслушание и нарушение заповеди Божьей, одна мысль, одно пожелание, несосредоточенный в воле Господней, могут лишать нас благодати Божьей, если не навсегда, то надолго.

Кому неизвестно, кто был небошественник Илия, и на какой высоте духовной стоял этот ветхозаветный праведник, этот немолкаемый ревнитель славы Божьей, этот дивный образец святости для израильтян! Но и сей человек Божий подпал некогда искушению. За ревность ли по Боге, которую, быть может, простер он за пределы благой и человеколюбивой воли Божьей, порезав четыреста лживых пророков, или за неправедную мысль, что кроме его, яко бы, не было истинных поклонников во Израиле, – благодать Божья, как бы, оставила его на время, или же, говоря словами св. Златоуста, – «сокрылась во глубину его души». И вот, бестрепетный некогда обличитель и даря и всего Израиля в нечестии и идолопоклонстве, оставленный благодатью, бежать от угроз и гнева одной жены, скрывается в пустыне, и до того малодушествуете, что просит смерти у Бога: довлеет ми ныне, вопиет он ко Господу, возьми от мене душу мою, яко несмы аз лучший отец моих (3Цар.18:19, 4).

Итак, вы стояние о Господе, (1Сол.3:8), стойте пред Ним (Фил.4:1), яко добрые воины Христовы, (2Тим.2:3), стойте непоколебимо и как бы на страже. Пользуясь временем, дондеже день есть (Ин.9:4), пользуйтесь им с особеннейшим вниманием, как званые и святые (Рим.1:7), – пользуйтесь благочестно, богомудро и ни на одно мгновение не выпускайте из виду, что и для вас, доколе вы на земле, дни лукавы суть.

Но дни нашего странничества по юдоли мира, еще более лукавы для тех из нас, кои, будучи в ограде Христовой, хотя и находятся уже на пути спасения, но в неуклонном и безостановочном шествии по сему пути, еще не искусны и не тверды. Это суть такие верующие, кои временами веруют и живут по духу веры, временами же, ослабевая в вере и увлекаясь и своей похотью и соблазнами мира, впадают во искушения различна, и творит неподобное (Лк.8:13; Иак.1:2, 14; Рим.1:28).

Понятно, что таковые христиане, как уже, более или менее, вкусившие, яко благ Господь (1Пет.2:3), не чужды и соуслаждений закону Божьему, по внутреннему человеку (Рим.7:22); а соуслаждаясь словесам Господним, желали бы, чтобы и Христос на всегда вообразился в них (Гал.4:28) со своим законом; но увы! – в тоже, почти, время и чувствуют и сознают, что ин закон еще не перестает жить в их плоти, а живя в них, иногда и воует во удох их с такой силой, что нередко и побеждает и пленяет их закатом греховным (Рим.7:28).

Слово Божье именует таковых немощными (1Кор.8:9, 11) и по неопытности в жизни духовной, сравниваем их с младенцами о Христе (1Кор.3:1). Но мы не погрешим противу св. истины, сравнив их с теми израильтянами, кои, вышед из Египта, долгое время блуждали на пути к земле обетованной, претерпевая разного рода трудности и лишения.

Итак, братия, кто бы вы ни были, и кому бы ни уподоблялись: но если вы промыслительным действием благодати Божьей, уже поставлены на путь спасения, ведущий к небу и блаженной вечности: то благодарите премилосердного Творца и Господа за такую к вам милость, и всемирно старайтесь ходить по сему пути: не якоже не мудри, но якоже премудри, содеявая свое спасение с неослабным терпением и мужеством, и даже с боязнью и опасением, чтобы и вам, по подобию многих, многих из израильтян, изумерших среди странствования, не погибнуть в пустыне мира грешного, не достигнув небесного Ханаана, с его неизреченными благами.

Не забывайте, возлюбленные, что мир лукавый – этот богоборный фараон, – не оставит вас без преследования. Действуя всей злобой тьмы кромешной и всей силой духа времени лукавого, он истощит все усилия,

чтобы возвратить вас под иго прежнего рабства: но вы не бойтесь сего. Ваш поборник и защитник – сам всемогущий Зиждитель вселенной. А при такой непреоборимой защите, враги ваши, прежде, чем вас погубят, скорее сами погибнут и погрязнут, яко олово в воде зельней (Исх.15:10): весть бо Господь благочестивые от напасти избавляти (2Петр.2:9). Только сами вы не изменяйте вашему Избавителю и вашим обетам, – сами не обращайтесь вспять к чувственным похотям и греховным наслаждениям – к этим, оставленным уже, котлам и мясам египетским. Живая вера в Спасителя мира и непрестанная молитва к Отцу небесному, да одушевляют вас присно во всех ваших делах и начинаниях, и да предъидут вам, как два столпа израильтянам в пустыне, покрывая, просвещая и сохраняя вас на всех стезях вашей жизни, дотол, пока по узрите, хотя из-за Иордана земли обетованной. О, какую радость восчувствует сердце ваше, когда лучезарный вестник неба покажет и вам, как Моисею, Ханаан благословенный, и когда каждый из вас, готовясь ступить в вечность, будет сознавать, что и он, ободряемый силой свыше, может, подобно Павлу, сказать: не так как св. Апостол, но и я, проходя виненное поприще жизни, подвизавшись по мере дарования Христова, течение земного странствования скончах, веру соблюдох: прочее убо да воздаст ми Господь в день оный, по своей благодати и милосердию (2Тим.4:7, 8).

Теперь мне следовало бы обратиться к тем из нас, братия, которые, кроме имени, почти ничего не имеют общего с истинными силами веры Христовой. Это суть сынове века сего, заботящиеся об одних лишь земных приобретениях и наслаждениях (Лк.16:8; 20:34). Это суть люди, внемлющие не Христу и Апостолам и не здоровым словам учения Евангельского, а духом лестчим, зловерным учениям бесовским (2Тим.4:1), а потому и сообразующиеся в жизни своей не с духом Христовым и не с волей Божьей, святой, угодной и совершенной (Рим.12:2), а с духом времени лукавого и с требованием страстей и похотей мира прелюбодейного. Это суть христиане, кои и устами и языком едва ли исповедают Христа Спасителя, а сердцем и делали, – о, тем паче, и всегда отмещутся Его (Тит.1:16); короче: это суть сосуды гнева, готовые погибнуть (Рим.9:22), – явные грешники, нисшедшие со глубины зол и начавшие уже нерадеть о своем спасении (Притч.18:3; Евр.2:3). Но, чтобы подвигнуть таковых к обращению, для сего потребно не слабое усилие устен человеческих, но крепкий глас Вседержителя, не только сокрушающий кедров ливанские и сотрясающий пустыни каддейские, но и клеблущий всю землю и самое небо (Пс.28:5, 7; Евр.12:20). Итак предстоятелю алтаря Христова, при начале нового лета

ничего более не остается, как только на помнить таковым христианам, что время стихийной жизни и для них прекращено есть прочее (1Кор.7:29), а следственно и они неудержимо приближаются к ужасной бездне вечности.

Святому Иоанну виделось в откровении, что один из Ангелов, сошед на землю, и утвердившись одной ногой на суше, а другой на море, клялся с поднятой к небу рукой, – клялся Живущим во веки веков, яко лета уже не будет (Апок.10:5,6). На какое время падает это клятвенное уверение небожителя, – неизвестно. Но что, если это время близко к нам, и ежедневно чаемый Судья, положив конец своему долготерпению, паки грядет уже, судить живым и мертвым (2Тим.4:1)? Что, если в это новое лето уже не будет более лета, и после ужасной ночи, в которую небеса с шумом рушатся, стихии разорятся, земля же, и яже на ней дела сгорят (2Петр.3:10), наступит день ужаснейший, – день без утра и без вечера? Что тогда сделаем, что предпримем мы, косняще в неправдах наших, когда и самая правда праведных вострепещет пред судом неумытным?

Но положим, что время страшного суда Божьего, еще не так близко; положим, что долготерпение Господа, не хотящего, да кто погибнет, но да все в покаяние придут (2Петр.3:9), и еще продлится: но кто может сказать, что и для нас всех, в начавшемся году, лето Господне продолжится, и что каждый из здесь находящихся благополучно пройдет и переживет все до конца наступившее годовое поприще? Но, кто бы что ни говорил, а непреложный опыт свидетельствует, что, из всех живущих на земли, ежегодно умирает, по меньшей мере, сорокавая часть. Если же это так, то не правда ли, что и из нас, стоящих в храме сем, сороковая доля, в продолжение лета сего, переселится в вечность? И кто же те, коим суждено вкусить смерть в лето сие? Кто те, коих, в этот же самый день лета грядущего, уже не будет в живых, а следственно, и в среде тех, кои соберутся на молитву под кров сего святилища? Кто те, коих дни и часы у асе измерены, определены, сочтены?... Но сроки нашей человеческой жизни и смерти принадлежат к тем временам и летам, яже Отец небесный положи в своей власти, а разуметь такие времена, несть ваше (Деян.1:7), говорил Господь ученикам своим пред вознесением на небо. И действительно, для нас – смертных довольно и того, если знаем, что с каждым годом, с каждым днем и с каждым моментом времени, мы ближе и ближе становимся к смерти и вечности.

Итак, еще раз повторяю во услышание всех вас, возлюбленная братья: блюдите, како опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудры. Ей глаголю – блюдите! Иначе мы легко обманемся в своих расчетах. Время гораздо скоротечнее, нежели мы думаем, и дни жизни нашей несравненно

лукавее, нежели мы представляем. Не медлите убо обратитися ко Господу, и не отлагайте день от дне (Сир.5:8).

Имеяй уши слышать, да слышит (Мф.25:30). Аминь.

Речь, произнесенная в новоотстроенном здании для Верненской прогимназии, по совершении водосвятия и молебна пред начатием учения, 1-го сентября 1876 года

Благородное собрание!

Вседержавным изволением Царя небесного и самодержавной волей Царя земного, с настоящего дня, возникает в этом граде, как центре страны, одно из заведений, самых необходимых и благотворных для человечества, – возникать и открывается здесь учебный институт, – институт, низший противу известных нам, губернских гимназий, но высший всех здешних народных школ училищ. Понятно, что я разумею институт пропедевтический, или прогимназию, с методическим расположением предметов, в ней преподаемых, с дисциплинарным порядком во времени и в самом преподавании, и со строго-правильным и научным тактом, относительно управления, отчетности, оценки успехов учащих и движения их из класса в класс.

Итак, поздравляя, и вас всех, милостивые государи и государыни, и все богоспасаемое население града сего, со столь высоким благом, даруемым ныне сей стране молю всещедрого Подателя всех благ, да благословит Он начинаемое нами дело, благословением вседейственным и благостынным, и силой сего благословения да сотворит, чтобы все благие цели научного образования и все святые намерения богоправимого и богомудрого Монарха нашего, были достигнуты и осуществлены вполне. Скажу яснее. Я уже молил от лица всей Церкви Божьей, сущей здесь, и не престану молить Вседержителя и Отца светов, чтобы свет научный, обильно озаряя эту страну, во многом еще полудикую и мало оживленную христианским населением, послужил к возрастанию и преспеянию в ней и тех вожделенных плодов, кои, присно питая бессмертный дух наш, составляет первое и единственное условие и столько благоденственного и мирного жития нашего, здесь на земле, но и вечного блаженства там – на небе, пред лицом славы триипостасного Божества.

О, когда бы милосердый Господь и Спаситель наш услышал наши мольбы и даровал месту сему такую благодать, чтобы все учащиеся под кровом сим, изучая мудрость стихийную и земную, до того умудрялись и утверждались во истине Божьей, что всегда могли бы о Господе, и жить по духу св. веры, праведно и благочестно, и умирать не только спокойно и небоязненно, но и с крепким упованием на благодатную силу заслуг

Христовых!

А чтобы учащихся, и на самом деле удостоиться столь, высокого, божественного дара, чтобы, просветившись и проникнувшись истиной святой и небесной, умудряться во славу Божью и свое спасение, для сего недовольно им ограничивать свою деятельность одними лишь внешними трудами, или, как говорит св. Павел, одним обучением телесным (1Тим.4:8), хотя бы это обучение сопровождалось и вниманием к делу и прилежанием, и успехами. Не довольно и того, чтобы внешняя только жизнь их и поведение были неукоризненны; нет, христиане воспитанники, как освященные от пелен матернях, если что должны хранить в чистоте к непорочности, то особенно свое сердце, не только с твердостью противустоя, подобно юному Иосифу, всем плотским прилогам и обольщениям, но и укрепляясь, со дня на день, в духе благочестия и страха Божья, как начала премудрости истинной, святой и спасающей.

Стяжите же этот страх Божий, и вы, добрые дети, готовящиеся к изучению знаний не мирских только и временных, но и духовных и вечных, – стяжите страх сей, и положите его в краеугольный камень вашей жизни и науки. Когда же, таким образом, страх Божий явится в вас живым и деятельность началом, в деле научного образования, тогда смею уверить, что просвещение ваше точно и вполне будет благотворно и спасительно, не для самих вас только, но и для всех тех обществ и условий, в среду коих, по образованию, вы имеете вступить.

Таково мое слово искреннего сорадования и сочувствия к месту сему, как к возникающему живому рассаднику разумно-словесных летораслей, имеющих здесь возрасть под непосредственным и непрестанным смотрением, как главного в нем, и уже опытом дознанного, делателя, так и других достойных сотрудников его.

Заключая это слово, вручаю всех и самое жилище сие, силе благодати и всеильной защита святошей Приснодевы. Богопрославленный лик Ея да будет присно в столпостенах дома сего, и да послужит он для всех, по мере веры, и ограждением от мирских соблазнов и обаяний, и укреплением сердца вашего в духе веры и святости, и помощью в труде богоугодном и добросовестном. Благодать же и милость Господа нашего Иисуса Христа, и присные молитвы о вас пренепорочной Его Матери, да пребудут на вас и с вами¹⁰, во веки веков.

Примечания

¹ - Туркестанский край, находясь под начальством одного военно-народного администратора, относительно церковной зависимости, принадлежал, до открытия в нем особой кафедры, к двум епархиям и к двум управлениям: область Сыр-Дарьянская зависела от епарха оренбургского, а Семиреченская – от томского.

² - Начало христианской веры в средней Азии и сопредельных ей странах, положено было в конце VI века, христианами школы Едесской (впоследствии Хузистанской), а Едесса с ее окрестностями в то время уже заражена была ересью Нестория, или правильнее, учителя его Феодора мопсуетского. Это неправославное христианство и продолжалось в среднеазиатских местностях, до XIV столетия. Но в 1305 году, несторианство, с появлением в Китае католических миссионеров, сильно потрясено было на всем востоке, а в конце названного столетия, Тамерланом, завоевавшим почти всю Азию, воздвигнуто было на несториан такое гонение, что несторианство окончательно изгнано было, из всех азиатских областей, озлобленного противу него, завоевателя востока.

³ - Акаф. Богород. икосы 1, 2, 3.

⁴ - Разумеется холера, открывшаяся, в первых числах июля, в местечке Джизак, сначала между мусульманами, а затем распространившаяся и между христианами, – к югу до Самарканда, а к северу до Ташкента и Чимкента. завоевателя востока. Акаф. Богород. икосы 1, 2, 3. Разумеется холера, открывшаяся, в первых числах июля, в местечке Джизак, сначала между мусульманами, а затем распространившаяся и между христианами, – к югу до Самарканда, а к северу до Ташкента и Чимкента.

⁵ - Кан. Пасх., песн. 7, тр. 2.

⁶ - Сорок дней поста, начинаясь с понедельника первой недели, оканчивается пятком шестой недели, называемой вербной (см. славу на стихов. на утрен. в пяток Ваий).

⁷ - Канон. преподоб., песн. 1, троп. 2 и кондак по 6 песни.

⁸ - Прежний, деревянный Гостинный двор находился в больше-Алматинской, казацкой станице.

⁹ - При сих словах говоривший благословил всех стоявших пред ним граждан, иконой печерской Богоматери, которую тут, же им и передал.

¹⁰ - При сих словах все присутствовавшие в зале осенены были

Афонской иконою, пресвятой Богоматери, именуемой: «достойно
есть» икона затем была г. Инспектору прогимназии.

Содержание

Слова и речи преосвященного Софонии, епископа Туркестанского и Ташкентского архиепископ Софония (Сокольский)	1
Слово, говоренное в 1872 году в Ташкенте, в день Пятидесятницы, при первом служении, по вступлении в управление Туркестанской епархией	2
Слово, сказанное в 1872 году, в г. Верном, при первом служении в Мало-алматинской церкви, в храмовый праздник явления Казанской иконы пресвятой Богородицы	6
Слово на новый 1873 год, говоренное в Туркестанском кафедральном соборе	11
Слово, сказанное в г. Казалинске, при обозрении епархии, в неделю 6-го по Пасхе, в 1873 году	16
Слово на день святого Архистратига Михаила, говоренное в Кискелине, при выселке Любовинском, Семиреченской области, в 1875 году	22
Слово, говоренное в Туркестанском кафедральном соборе в среду первой седмицы св. четырехдесятницы, в 1874 году	27
Беседа, говоренная в Туркестанском кафедральном соборе, при чтении великого канона, на утрени в четверток, пятой недели святой четырехдесятницы, в 1874 году	31
Слово, говоренное в Туркестанском кафедральном соборе, в пятую неделю святой четырехдесятницы, на утреннем богослужении, в 1874 году	36
Слово, говоренное в Туркестанском кафедральном соборе в пятую неделю святой четырехдесятницы, на литургии в том же году	41
Слово на освящение храма в г. Казалинске, во имя пресвятой Девы Богородицы, явления Ее иконы, именуемой Казанской, произнесенное 15 декабря 1874 года	51
Молитва на освящение нового гостинного двора в г. Верном	58
Речь, говоренная при освящении нового каменного гостинного двора в городе Верном	59
Слово на день Казанской Божьей Матери, говоренное в Туркестанском кафедральном соборе в 1875 году	61

Туркестанском кафедральном соборе в 1875 году	
Слово в день священного помазания на царство Благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича	67
Слово на новый 1876 год, сказанное в Туркестанском кафедральном соборе	72
Речь, произнесенная в новоотстроенном здании для Верненской прогимназии, по совершении водосвятия и молебна пред начатием учения, 1-го сентября 1876 года	78
Примечания	80